Бандит-4. Некромант

Автор:
Евгений Щепетнов

Бандит-4. Некромант

Евгений Владимирович Щепетнов

Пётр Синельников #4

Продолжается учеба в Академии, и продолжаются приключения Петра Синельникова, или как его именуют в этом мире – Петра Сина Роса.

Теперь он некромант, совершенствующий свои способности. Но ведь некромантия в Империи запрещена под страхом смерти! И как тогда жить бедному некроманту?

Впрочем, теперь уже не такому и бедному…

В написании книги использованы стихи Марии Васильевны Семеновой, любезно предоставившей их автору для использования по усмотрению, и баллады самого автора – ну самую малость. А также слова песен известных авторов, что и указано в примечаниях.

Евгений Щепетнов

Бандит-4. Некромант

Глава 1

– Пет, давай! Играй! Или ты так, для виду носишь эту штуку за спиной?! Эй, музыкант, играй!

Я посмотрел на Аллена, тот махнул рукой – играй, мол! И сделал жест рукой: «Я пока выпью».

Ну что же… сегодня не мой день по «графику», сегодня Аллен играет. Хотя кто мешает нам играть по-очереди? Музыкантов в трактире осталось двое – тут раньше было еще что-то вроде квартета, но один помер от перепоя, другой заболел… двое оставшихся притащились в трактир в таком непотребном виде, что даже видавший виды хозяин трактира Дункас, бывший наемник, велел им убираться в тот хлев, из которого они выползли, и не позорить его доброе заведение. А если не уберутся – он лично начистит им поганые рыла.

Кто-то может сказать, что это очень жестоко, что так не поступают с музыкантами, но черт подери, разве можно приходить на работу в разорванных на заднице штанах, к которым прилипло размазанное дерьмо? С разбитой мордой, немытой как минимум месяц, и с инструментами, перевязанными веревочками? Ну какая-то профессиональная честь должна же быть? Сам ты хоть вы говне вывозись, хоть голый приди, но инструмент у тебя должен блестеть, вылизанный, ухоженный, звучный. «Одна палка, два струна» – это для нищих. В трактире «Якорь» собираются люди обеспеченные, солидные – пусть даже у многих из них руки по локоть в крови. Или тем более что – по локоть в крови. Достанется и музыканту, и трактирщику – за то что допустил этих уродов к такому щекотливому делу, как развлечение добрых людей.

В общем – трактирщику даже не пришлось мараться, выбрасывая этих чудиков, сами посетители постарались. Все какое-то развлечение.

Да, жаль – куда они потом подадутся? Но надо было думать, прежде чем сливать свою жизнь в сортир. В своей прежней жизни на Земле я насмотрелся на подобных чудаков на букву «М», и лично я не испытываю к ним ни какой жалости. Каждый сам кузнец своего несчастья.

Зачем я прихожу сюда, в трактир? Зачем тут выступаю? После того, как отец Хенеля оставил мне наследство, две тысячи золотых – никакой необходимости в зарабатывании денег игрой на лютне по трактирам я не испытываю. Вот только… меня поймет наверное лишь профессиональный музыкант, артист: это

как наркотик. Ты играешь, а люди тебя слушают. Слушают, открыв рот, прекратив есть, пить, щупать шлюх, сидящих на коленях, замерев и не дыша, будто боясь спугнуть мелодию. Это заводит. Это как наркотик! Ты уже не можешь без этого жить.

Я на Земле был профессиональным военным, даже зарабатывал приличные деньги – когда перешел служить в ЧВК, но сколько раз в своей жизни я жалел, что не стал музыкантом! Профессиональным музыкантом! А ведь все у меня для этого было – музыкальный слух, умение играть на гитаре отточенное годами обучения, голос – да, у меня был какой-никакой голос, в отличие от большинства заполнивших эстраду попсовиков! А вот поди ж ты… стал профессиональным воином.

Ну что тут сказать… дороги нас выбирают! Расскажи Богу о своих планах – пусть посмеется.

Сажусь на стул, еще теплый от костлявого зада Аллена, моего приятеля, бывшего наемника и музыканта (кстати, ведь похожие судьбы, нет?), закидываю ногу за ногу и кладу лютню на бедро. Когда-нибудь я закажу мастеру, который сделал эту лютню, самую настоящую гитару, наподобие той, на которой я играл долгие годы и в музыкальной школе, и потом, уже служа в армии. Я всегда таскал за собой гитару, и даже позывной у меня был: «Музыкант». Это уже в ЧВК я стал «Синий». От Синельникова. Так показалось проще моему командиру.

Эта лютня стоит больше ста золотых – целое состояние в этом мире. За сто золотых можно жить несколько лет – семье из четырех человек. И практически ни в чем себе не отказывая. Еда тут довольно-таки дешевая, ведь этот мир больше аграрный, чем промышленный. Климат тут очень мягкий, дожди идут вовремя, земля – сплошной чернозем наподобие украинского. Палку воткни – и она зазеленеет, пустит корни. Так с чего еде быть дорогой? Почему за нее должны драть бешеные деньги? Хотя… и такое бывает. Я это видел.

Настраиваю лютню, наигрываю мелодию – больше так, для порядка, чтобы пропитаться духом музыки, чтобы ощутить свою лютню, сделать ее своим продолжением, своим органом.

Жаль, что это не гитара. Вот не хватает лютне той сочности, той мощи, какая есть у гитары! Вроде бы все на месте – и шесть струн, и металлическое колки… а

вот не то, не так звучит! Хочется услышать знакомый звук, трогаешь струны… а звучит иначе. И ты чувствуешь легкое разочарование – в очередной раз, как и всегда. Нет, все-таки в ближайшее время схожу к мастеру, который сделал лютню – я уже узнал кто он такой, и где живет. Объясню, что мне от него нужно и закажу инструмент. Кстати… тут есть что-то вроде патентного бюро… а не сходить ли мне прежде к стряпчим? «Изобрету» гитару, и пускай каждый мастер, который делает такой инструмент отстегивает мне бабки! Почему бы и нет? Чай, не коммунизм. Всякий труд должен быть оплачен!

Улыбаюсь своим мыслям, трогаю струны, подбирая мотив под стихи, и начинаю:

Море вздымается чёрной стеной,

Мчится на берег.

Пожраны будут свирепой волной

Люди и звери.

Солнечный свет исчезает с небес,

Падают звёзды.

Море сметает посевы и лес,

Крыши и гнёзда.

Тщетно у прежних его берегов

Ветер ярится.

В небе, окрашенном кровью Богов,

Тают зарницы.

Если вздымается чёрной стеной

Древнее море,

Есть ли заступник юдоли земной?

Кто с ним поспорит?

Встань же, хозяин высоких палат,

Вытяни руку!

Целым вели возвратиться назад

Смертному внуку!

Да не проснётся чудовищный Змей

В тёмной пучине!

Гладко стелись перед лодкой моей,

Путь лебединый!

В трактире тихо-тихо, только на кухне гремит сковородами запалившаяся от работы кухарка, да на улице прогромыхает огромными колесами по булыжной мостовой фура ломовика. Пахнет жареным мясом, пролитым пивом, по?том разгоряченных мужских тел и смазанной рыбьим жиром кожей сапог и безрукавок, обшитых стальными кольцами. Огромные, сильные, жестокие люди под воздействием музыки превращаются в наивных детей, жаждущих красоты и сказки. Наверное, я сейчас сродни сказочнику-фантасту, погружающему человека в мир его грез, уводящему туда, где сбываются мечты…

Когда закончил, секунд пять царила не прерываемая ничем тишина, потом зал взревел. Люди стучали по столешницам (тут это заменяло аплодисменты), вопили, потрясали в воздухе кулаками – только что не свистели от полноты чувств. Ибо у моряков свист считается дурной приметой, приносящей неудачи и вызывающей шторм. А тут ведь как минимум половина посетителей моряки, трактир располагается возле порта, так что нет ничего в этом удивительного. «Якорь» – он и есть якорь. Вышел с корабля, и зацепился за берег. Пока снова не пришло время сдаваться на милость повелителя глубин, Большого Змея.

Слова баллады точно соответствуют верованиям покорителей океана – по их представлениям, где-то на огромной глубине живет Большой Змей, именно он правит всеми морями. И когда Змей просыпается от своей спячки – а бо?льшее время в году он спокойно спит на дне – тогда и гибнут суда, тогда и упокаиваются в желудке Змея несчастные мореплаватели, оказавшееся не в том месте не в то время. Ведь Змею надо чем-то питаться? А что может быть вкуснее, чем просоленное, пропитанное пивом мясо корабела?

– Еще! Еще давай!

И дождь из монет. Хороший такой дождь. Меня любят, мне хорошо набрасывают монеток. И плевать им, что я ворк – человек из ненавидимого, гонимого имперцами племени. Моряки сами гонимы, и сами отвержены – как и я, как и тысячи мне подобных. Им ли меня ненавидеть?

Я снова наигрываю, задумавшись, и даже не попытавшись собрать монеты, которые раскатились по всей сцене. Успею собрать. Никто их не возьмет. А если все-таки одна-другая монетка пропадет, попавшись под руку усталой шлюхе, или замотанной беготней подавальщице – так и пускай. Значит, им больше было нужно, чем мне. Я не обеднею. У меня счет в банке, я курсант магической Академии на полном обеспечении, и музыка для меня только развлечение. Потому… попросит – я и сам подарю эти деньги. Нет, не альтруист, и не дурак. Просто… не жри один – не то подавишься.

Кому велит божественная милость

К закату дня трубить в победный рог?

Мой друг сказал: «Сегодня мама снилась.

Она звала – я сдвинуться не мог.

Смотрю, совсем состарилась в разлуке,

И голос так отчаянно дрожал…

Она ко мне протягивала руки,

А я копьём испоротый лежал.

Наверно, сгину в нынешнем сраженье.

В кровавый снег поникну не дыша…»

На языке застыли возраженья.

Я слушал друга – и рвалась душа.

Всё восстаёт, противится и ропщет,

Когда по детям плачут старики!

Ведь это нам родителей усопших

На берегу Черной реки

И провожать, и обещать – догоним…

Всему на свете должен быть черёд!

Тут я поклялся: смерть его не тронет.

Пускай меня сначала заберёт!

…А сеча вправду выдалась жестокой.

Израненные падали без сил.

Того копья не уловил я оком.

Почувствовал… и друга заслонил.

И клич гремел. И знамя устояло.

За истребленьем вражеских полков,

За тем, как снег окрашивался алым,

Я наблюдал уже из облаков.

Над полем славы медленно темнело.

Оставшись жить погибели назло,

Мой друг увидел стынущее тело,

Перевернул, сказал: «Не повезло…»

Потом он шёл – усталый победитель.

Мой щит и шлем качались на ремне.

Дождётся мать. Не оборвутся нити.

Живи, мой брат. И помни обо мне.

Молчание. Потом рев, потом крики… все, как всегда. Я впитываю эмоции людей, я наслаждаюсь ими!

Наверное – я эмоциональный вампир. Как вероятно и большинство из музыкантов, певцов. Иначе зачем они это все делают? Просто для того, чтобы колебать воздух? Всего лишь зарабатывать деньги? Нет. Нам нужно именно это – рев толпы, поклонение, нам нужна ЛЮБОВЬ! Возможно, мы недополучили ее в детстве, а может быть мы просто ненасытны, как волки, всегда алчущие крови. Мы питаемся любовью, мы сосем ее, как материнское молоко – такое сладкое, и такое желанное. В эти моменты я тоже люблю. Весь мир! Всех, кто любит меня. И забываю о том, что в мире еще столько плохого, столько гадкого и грязного…

Нет преграды лунным лучам,

Что блестят на волчьих зубах!

Плохо спится нашим мечам,

Помнящим, как сеяли страх!

Голос рога в море лужён.

Порвана кольчуга не раз.

Помнишь, брат, как берег чужой

Стрелами приветствовал нас?

Грудь на грудь сходились полки —

Кто отважней в битве, тот прав!

Высекали наши клинки

Будущее новых держав.

Если отчий край тебе мил,

За него готовься на бой!

Кто щедрее кровью платил,

Тот ему и станет судьбой!

Кто-то поделил серебро.

Кто-то спит, пронзён, у ворот.

Защищайте жён и добро,

А не то чужак заберёт!

Под луной клубится туман.

Ставь же паруса, побратим!

Впереди гремит океан,

Вороны летят позади!

Впереди поёт океан,

Вороны кричат позади!

«Впереди поет океан, во?роны кричат позади» – ревет зал, повторяя последние строки. Они уже знают эту песню, я пел ее им, пел ее и Аллен – он просил у меня позволения исполнять мои песни. Как я могу ему отказать? Да и выполнит ли он, если я вдруг сойду с ума, и прикажу никогда не играть мою музыку, и не петь мои песни?

Я и сам-то не очень чист на руку. Половину из этих баллад некогда сочинил сам, когда на меня вдруг нападал такой… хмм… стих, а половину позаимствовал у земных поэтов. Например те три баллады, что сегодня пел – сочинила писательница Семенова. Баллады случайно попали под мой взгляд, когда я уже служил в ЧВК, и я недолго думая подобрал к ним музыку. Здесь мне осталось «только лишь» перевести слова стихов на Всеобщий язык, да подогнать под исполнение на лютне.

И… баллады зазвучали. Здешние зрители непритязательны, им не надо чеканных рифм, не надо выверенности и красоты строк, так что мой перевод прокатывает на-ура. Что и доказывает дождь из монет, которые исправно сыплются на сцену.

Я сегодня в ударе, мои длинные пальцы ворка щиплют струны, цепляя их напальцевыми медиаторами, похожими на серебряные когти. Из-за

использования медиаторов звук получается звонче и чище.

Кстати, я настоятельно советовал Аллену использовать такие медиаторы – пусть не серебряные, как у меня, но… хотя бы медные. Но этот упрямец только отмахивается, мол – привык уже работать ногтями, медиаторы – это только для изнеженных дворянчиков, которые сходив помочиться, пять раз подряд после этого моют руки с мылом (надо мной стебается, мерзавец!). А он, настоящий солдат, укрепил свои пальцы так, что ногти и сами пальцы стали тверже стали!

Я правда так и не понял связи между мытьем рук после сортира, и крепостью пальцев, но спорить с бывшим наемником не стал. Как там выдал Петька в старом анекдоте, когда Василий Иванович сказал: «Темно, как у негра в жопе!»? «Ты, Василий Иванович, везде бывал, все видал!». Спорить с упрямцами – это не для меня.

– Вина музыканту! Самого лучшего вина! – крикнул кто-то из зала, и его клич подхватили несколько голосов. Дункас от своего места у прилавка «бара» подмигнул мне, сделал знак подавальщице, и она принесла три здоровенных кувшина. Я поднял первый кувшин, встал, и сделав международно-межпространственный жест: «За вас!» – отпил этого самого дорогого вина под восторженный рев угощавших меня зрителей. Приятно людям, когда их уважают, когда не брезгуют их подношением. Отказываться нельзя! Обида!

Так и спиваются музыканты, превращаясь в настоящих скотов, заканчивающих свою жизнь в придорожной канаве. Вот только в кувшинах у меня не дорогое вино. И вообще никакое не вино. Чистая вода – холодная, только что из колодца. Но счет угощавшему выставят как за самое лучшее южное вино. Деньги – пополам с трактирщиком. Таковы правила. Бизнес, и всем хорошо.

Я вообще-то практически не пью. Могу выпить легкого пива – немного. Или легкого вина – тоже чуть-чуть. Я и на Земле не пил, потому мне по принципу «из противоположного» и дали позывной «Синий», к тому же соответствующий фамилии. И в этом мире я не употребляю ничего крепче легкого винца, едва отличимого от чистого виноградного сока. Никакого тебе старого Южного, густого, как мед и сшибающего с ног не хуже пулемета, никакого тебе самогона, который здесь пьют самые опустившиеся из пьяниц. Руссише музыканто – облико моралес!

Кстати, и в этом смысле – тоже. Мне каждый раз, как я появляюсь в «Якоре» молоденькие шлюшки предлагают воспользоваться их услугами с большой скидкой, или даже «за так», просто потому что я молоденький красавчик, а они уже устали от грязных грубых мужиков. Тем более что я воспитанный, и наверное в момент оргазма не бью женщин кулаком по спине. Но каждый раз я отказываюсь, мотивируя это тем, что недостаточно хорош для такой красотки, что для нее нужен настоящий, крепкий мужик, достойный ее великолепных форм!

Однотипная шутка, но она как ни странно прокатывает всегда. Девки ржут, как лошади, лезут целоваться, потом я долго пахну сладкими дешевыми духами и притираниями, которые никак не могут заглушить несущийся от этих женщин запах застарелого пота, несвежего белья и мужского перегара.

Да, я довольно-таки брезглив, не для этого мира, который еще не очень-то заботится о гигиене и точно ничего не знает об источниках болезней, всяких там микробах и бактериях. Если бы не маги-лекари, все эти девицы давно б скончались где-нибудь на пустыре, разъедаемые самыми мерзкими дурными болезнями. Для лекарей эти болезни не представляют из себя ничего сложного. Один сеанс лечения – и готово. Вот только не всегда болезнь проявляет себя сразу, потому цветут ясным цветом всевозможные болести смешные, случающиеся от любовных игрищ.

Да, я не настолько изжаждался по женской ласке, чтобы пить из первой попавшейся лужи – как завещал нам великий Ленин, узнавший о причудливых развлечениях небезызвестной дамочки с хитрой фамилией Коллонтай. У меня есть с кем вылечить свой спермотоксикоз, и я делаю это успешно и с огромным удовольствием.

Напившись «вина», промочив глотку, пою дальше. Вначале – «Город золотой». Вот это настоящая лютневая музыка! Вавилов был настоящим гением! Увы… рано ушел. Умер от рака, не увидев известности при своей жизни. Народ в трактире любит эту песню, ее играю только я. У Аллена голос хриплый, сорванный, как и положено настоящему вояке. Я же пою и в теноре, и в баритоне, и могу даже опустить до баса – как оказалось, у моего тела, ранее принадлежащего покинувшему этот мир парнишке Келлану, невероятное строение связок и вообще всего певческого аппарата. Такие как он певцы случаются очень редко. На Земле я видел таких раза два или три – одним из них был певец-пародист Чистяков, который мог скопировать голос любого человека в

мире (я видел и слышал его в записи, он рано ушел – трагически погиб). И петь любым голосом любого певца. Мутация, конечно же. Отклонение от нормы.

Впрочем – возможно, что у ворков это не такое уж и редкое умение. Я почти не общался с представителями племени, давшего жизнь Келлану, но слышал, что ворки всегда отличались умением музицировать на любых музыкальных инструментах, а еще – очень хорошо поют.

Затем исполняю песню, которую играл и пел совсем «недавно», в Сирии, как раз перед тем выездом, в котором меня убили. Я услышал ее в сети, и она меня сильно зацепила. Стихи, тексты я всегда запоминал практически с первого раза – и профессиональное музыкантское умение, которое я развил до совершенства, и природные способности, которые, как известно, не пропьешь. Так что однажды услышав песню я запоминаю ее навсегда. Как, кстати, и лекцию преподавателя. Что нимало удивляло и моих преподавателей в музыкальной школе, и учителей обычной школы, где я, вечный хулиган с тройкой по поведению, учился на «отлично» (ну если ты сходу, со слуху запоминаешь все то, что тебе говорит учитель – как ты еще можешь учиться, кроме как «на отлично?»), удивлял всех, кроме моей мамы, считавшей, что это ее заслуга. Это она родила такого умного и разносторонне образованного мальчика – в маму пошел!

Тем большим ударом для нее было узнать, что я отправляюсь в армию, чтобы потом стать профессиональным военным. «Убивать людей?! Тупой солдафон?! Ты сошел с ума! Я сейчас позвоню тете Соне, и она тебя обследует на предмет душевного здоровья! Какая армия?! Ты же не выдержишь, ты всегда кашлял!»

Эх, мама, мама… как мне жаль, что уже не могу сказать, как я тебя люблю! Я бы все на свете отдал, чтобы встретиться с тобой снова, чтобы никогда больше тебя не расстраивать! Какие же мы все в юности идиоты… Отличаемся только тем, что одни, повзрослев, перестают быть идиотами, другие – остаются ими до самой гробовой доски.

Так вот, это была песня «Роза на древке» Алексея Хромова. И она здесь очень хорошо пошла. Оно вроде бы и непонятно, про что эта песня, но почему-то трогает за сердце всех без исключения. Как некогда тронула и меня.

Стану старой усталой птицею

Да расправлю крыло в последний раз

Да взлечу вопреки традиции

Что, мол, в небо седых не пустят нас.

Пролечу над родными пашнями

Да припомню закат сегодняшний.

Он горит над чужими башнями.

Эти башни мертвы, всё кончено.

Роза на древке да боевой топор.

Ножны пусты, расплелася кольчуга.

Двинем на запад вдоль северных гор.

Вряд ли за ними встретим мы друга.

Наверное, потому песня так тронула мое сердце, что сам я себе уже казался старой седой усталой птицей. У которой ни гнезда, ни семьи. И таких «птиц» в трактире было не менее половины. А может и гораздо больше. Потому принимали песню очень хорошо.

Ну а закончил я выступление опять же балладой Семеновой, которую как мог перевел на всеобщий:

Лютни, звените

Сами собой,

В битву зовите,

На последний смертный бой!

Гибнуть бесславно

Не захотим!

В битве неравной

Наши плечи мы сплотим.

Певчие стрелы

Грянут в щиты…

Остервенело

Перекошенные рты…

Лязгнут секиры,

Сладится бой…

С бранного пира

Не вернуться нам с тобой.

Выпьем же, братья,

Чашу до дна!

Всем нам хватит

В ней багряного вина.

Пусть и укроет

Снег нашу рать,

Честь у героев

Никому не отобрать.

В оригинале было не «лютни», а «гусли», но само собой понятно – в этом мире никакими гуслями и не пахло. Лютня – это понятно.

Впрочем – «закончить» – это я погорячился. Меня не отпускали еще минут сорок. Каждый раз, когда я заканчивал петь и играть, меня уговаривали, угощали, кидали монеты – густо кидали, как жертву капризному божку – и я снова играл и пел, хотя уже прилично устал.

Когда ты вкладываешь душу в свою музыку, то непременно устаешь. Выгораешь, опустошаешься. Вероятно, еще и поэтому многие музыканты пьют или

подсаживаются на всякую «дурь». Выгоревшую в душе лакуну надо ведь чем-то заполнить. Кто-то заполняет эту дыру спиртным, кто-то наркотой, сексом, а кто-то ударяется в религию. Но нет никого, кроме тупых ремесленников от музыки и безголосых шоуменов, кто бы не выгорал душевно после того, как вложился своими эмоциями в исполняемую ими мелодию. Это нормально. И это опасно.

Наконец, меня все-таки отпустили – я отговорился тем, что в конце концов, и Аллену надо свою денежку заработать! Я же не какая-то крыса, которая подло жрет хлеб товарища! Народ понял и принял мои доводы. Тема заработка и тема товарищества им очень близка, так что поворчали, да и согласились. Ну а я под крики и шум пообещал, что буду петь для них и в будущем – если, конечно, не сильно им надоел. Чем вызвал радостные крики и смех – ну как я могу им надоесть? Как говорится – скачи, Петрушка, народ требует зрелищ!

Глава 2

Лютню положил в шкаф, сбросил башмаки и с облегчением надел тапочки. Потом пошел в спальню и с разгону, с наслаждением бросился на кровать. Хорошо!

Вот грех жаловаться, в самом-то деле. Живу – как сыр в масле катаюсь. И деньги есть, и в Академии я на особом положении. Но нет покоя в душе. Совсем нет. То ли я такой бунтарь по жизни, то ли понимаю, что нельзя успокаиваться…

На самом-то деле – чего я достиг? Все получилось как-то… дерьмово! Хотел уничтожить врага – добился того, что погиб хороший человек. Теперь Элрон непонятно где прячется, и я не могу до него добраться. А вот он знает, где я обитаю. И сынок его отправился туда, откуда я не так давно можно сказать сбежал. Не может ли он получить информацию обо мне у лекаря? Нет… скорее всего – нет. Велур побоится. Если только кто-то из его слуг меня сдаст. Но ведь это надо знать, о чем спрашивать. Или вернее – о ком. Связать Петра Сина и «Охотника», который убивал шпану на улицах столицы…

Все сложно… и все висит на тонкой такой ниточке. Впрочем – как и всегда. Кто там прял нить жизни? Мойры? Чик ниточку ножницами – и нет человека.

– Ну что, рассказывайте… что тут было в мое отсутствие? Кто заходил, что делал?

– Твоя служанка заходила – бестелесный голос призрака я слышал не ушами. Нет ни малейшего представления, чем я его слышу. Мозгом? Или желудком… Этого никто никогда не узнает, так зачем ломать голову? Просто интересно, да и все тут.

– В вещах рылась? Искала что-нибудь?

– Нет. Расправила, унесла гладить, повесила. Потом разделась догола и стояла перед зеркалом.

– Что?! – я даже привстал на кровати – Зачем?

– У нее снова появилась опухоль. На бедре. Небольшая. Девушка плакала.

Вот как… я закусил губу. А я-то радовался! Оказывается, болезнь возвращается! Хмм… стоп! Каким образом может вернуться вырванная напрочь опухоль, вызванная проклятьем? Самым обычным: кто-то снова проклял. А почему проклял? За что?

Завтра поговорю с девчонкой. Вчера с ней разговаривал… в постели. И она ничего мне не сказала. Да, мы иногда с ней занимаемся сексом – почему бы и нет? Она пока свободна, я свободен, нам хорошо в постели, так почему бы не заняться ЭТИМ? Не монастырь же.

Не напрягает ли, что я ее работодатель? Честно сказать – немного напрягает. Но сколько начальников спали и спят со своими подчиненными? Ну да, я не ангел! «А ты что, рассчитывал здесь увидеть живого епископа?»

– Ну что, как дела с прочтением запрещенной литературы? – спрашиваю я, и призраки тут же откликаются:

– Читаем. Но ты ведь боишься допускать нас в свое тело. Как тогда мы передадим тебе свои знания? Как передадим прочитанное?

– Вы читайте, читайте… там видно будет – фыркаю я – Уже раз допустил! И что вышло?

– Я же извинился – ничуть не переживает призрак, я чувствую это – И отец меня уже отругал.

– Отругал! – откликается Мастер – Он не должен был так поступать! Честь – дороже всего.

– Честь, честь… – зло бросаю я – Если бы вы подкрались к этому ублюдку, да нормально смахнули ему башку своим мечом, мне бы не пришлось выставлять вас сторожить в коридоре! И по улицам я ходил бы не оглядываясь! Ну что вам стоило так сделать?! Неужели вы не понимаете, что бороться с подонками надо любым, понимаете, любым способом!

– Я человек чести! И даже ради мести не могу ей поступиться! – призрак говорит холодно, просто-таки обдает северной стужей – Я не могу уподобляться этому подонку! Я думал, что у него остались хоть какие-то понятия по чести, а еще думал – что он постесняется отказаться от вызова на глазах у своих соратников. Но я ошибался.

– Да… вы ошибались! – с горечью говорю я, и вспоминаю, как отправился к дому Элрона, чтобы посмотреть, что там случилось. И… Увидеть. Увидел, да. Толпу призраков, которые стояли у развалин, и среди них – вот его, собственной персоной – Мастера. Кстати, так и не спросил у него, как сделать эту штуку – «Привет Мертвеца». Когда ты превращаешь себя в авиабомбу. Классную бомбу, надо сказать. Все равно как снаряд из главного калибра линкора жахнул. Мне представляется, что такие разрушения получаются именно после падения снаряда 480 мм диаметром.

Призраков было полторы сотни. И ужасным было то, что убитых членов Лиги там было всего лишь около полусотни (мне на них плевать). Кроме них еще некоторое количество слуг – ну этих мне совсем не жалко, если ты служишь бесу, так прими и его участь. Основная масса призраков – мои соплеменники. Ворки. Как оказалось, в подвале дома находились казематы, что-то вроде подземных ходов, по которым и ушел Элрон. Пыточная, где мучительно убивали ворков, похищенных Элроном и его подручными.

Где он похищал людей, как это делал – я не стал выяснять. Ушел, оставив призраков стоять на месте своей гибели. Ну а что я мог сделать? Отправить их на перерождение? Да, мог. Но… не стал. Пусть пока здесь постоят. Мне показалось, что так будет правильно. Ведь не зря же они остались в этом мире, а не ушли навсегда? Кто я такой, чтобы менять их судьбу?

А вот Мастера увел с собой. Теперь он тоже работает на меня. Сказал, что не уйдет, пока не освободится сын.

Я раньше думал, что у призраков нет эмоций. Призрак – ведь это что-то вроде… хмм… даже не знаю, как это назвать. Электронная копия? Вот есть книга – бумажная книга. На ней отпечатан текст. Книга сгорела – текст исчез вместе с ней, то есть – совокупность информации, заложенной в печатных знаков. Но если представить, что текст вышел из книги, когда она «умирала», и в электронном виде поселился в интернете? Умерла ли книга? Да. И нет. Ведь текст цел! Возможно, что я утрирую, но… вероятно так все и есть. Призраки – «Электронные» копии людей, не обладающие телом. Информационные файлы.

С момента гибели Мастера прошло две недели. Примерно неделю, как мне говорили, продолжались воркские погромы, но как-то быстро они закончились. Подпалили пару лавок, побили несколько ворков, и на этом все завершилось. Ощущение было таким, что у затеявших погромы не было настоящего вожака.

По слухам – Элрон тоже отправился лечиться, как и его сын. Мастер все-таки хорошо его «пописал» своим мечом. Со слов Мастера – он точно бы развалил пополам этого скота – помешала случайность. Или наоборот не случайность, а предусмотрительность – спрятанные в нишах за портьерами арбалетчики. Элрон их там заранее насажал. Видать не доверял своим соратником. Выпущенные из арбалета болты бьют не слабее пистолетных пуль, а останавливающее действие у них наверное покруче, чем у у той же пули. Болты оттолкнули Мастера назад, и его удар, вместо того, чтобы развалить негодяя, всего лишь прочертил тому по груди, рассекая плечо и грудные мышцы. Рана должна была быть тяжелой, я вообще-то даже удивился, что Элрон с таким ранением смог уйти.

Впрочем – то, что Элрон подлец, не означает, что он еще и задохлик. Наоборот, он всегда отличался силой и ловкостью. И только Хенеля вот не мог победить в открытом бою. Папенька парня научил сражаться.

Первую неделю я ходил по улицам и оглядывался, опасаясь нападения погромщиков. Но меня так никто и не тронул. То ли уже знали, как музыканта, и не хотели лишиться хороших песен, то ли что-то подозревали насчет моих боевых способностей. Без меча и кинжала я не выходил, а еще – прятал под полой легкого плаща заряженный пистолетный арбалет на два выстрела. Я так-то не трус, но зачем напрасно рисковать?

Ходил я в основном в трактир – обычно вечером. Но вначале, после занятий, нередко ходил по городу, по лавкам, и покупал то, что мне было нужно. Например – пошил себе хороший мундир из дорогой ткани. «Парадно-выгребной» мундир. В нем я буду «выгребать» на какое-нибудь торжественное мероприятие. Какое именно? А вот какое: как оказалось, в этом городе имеются ДВЕ Академии! Одна – та, в которой я учусь. Вторая – это офицерская Академия… как бы это лучше сказать… для лишенных магического дара. И вот в этой Академии учатся в разы больше курсантов, чем у нас!

Я просто-таки обалдел, узнав эту новость, которую как и всегда принесла Хельга, все еще строящая мне глазки и усиливавшая день ото дня свой напор. Так вот, Хельга так между прочим спросила меня: «У тебя есть что надеть на офицерский бал? Или ты пойдешь в своем дешевом мундире?»

Я стоял и хлопал глазами – какой такой офицерский бал?! Что за ерунда?! А когда спросил это у девушки, Хельга вытаращилась на меня как на чудовище, внезапно сошедшее со старинной фрески, и недоверчиво помотав головой выразила бурное неодобрение моей темнотой и дикостью. Заявила – что я или издеваюсь, или же совсем уж тупой. Потому что не то что курсанты, все в Империи знают, что здесь находится единственная кузница кадров офицерского состава, готовящая офицеров, которые потом служат в различных подразделениях имперской армии, начиная с интендантской службы, и заканчивая элитными гвардейскими подразделениями. А когда я спросил, почему ни разу не видел на улицах города этих самых курсантов, получил ответ, что гулять надо там, где положено, а не шастать по портовым вертепам, и не по лавкам старьевщиков. Тогда бы и я увидел этих наглых, самодовольных парней и девок! Которым, кстати сказать – запрещено приближаться к воротам нашей Академии.

Раскрутить Хельгу на информацию совсем не сложно, достаточно задать только один в вопрос в нужном направлении – и она тут же выдаст тебе столько инфы, что захлебнешься в этом бурном пенящимся потоке. Итак, вот что она

рассказала: да, существует такая Академия, которая была учреждена примерно в одно время с нашей Академией. Вот только отличается она от нашей очень даже радикально. Например – в нашей учатся три года, в той Академии – пять лет. Наших курсантов обеспечивает государство – ТЕХ курсантов обеспечивают их родители. То есть – платят за обучение немалые деньги.

Само собой, среди тех курсантов нет бедняков – ведь обучение стоит довольно-таки дорого, простым людям не по карману. У нас тоже нет бедняков, но изначально было так, что сюда набирали и тех, кто родился в бедной семье. Это потом уже то ли бедняки стали прятать своих детей, укрывая от обязательной учебы, то ли просто выродились маги в бедных семьях, но теперь учатся только дети магов, а маги бедными не бывают.

Еще отличие – после окончания учебы в той Академии курсант может пойти служить, а может и отправиться «на гражданку». Например – занять какую-нибудь чиновничью должность. Для этого ему вполне хватает диплома офицера.

Тут же – каждый, кто отучился в Академии, по окончанию автоматически становится дворянином, если им не был. Там – ничего подобного. Кем был – тем и останешься. Дворянином, купцом, или кем там являются твои родители.

Судя по рассказу, получилось эдакое смешение гражданского университета и офицерской школы. Вроде и курсанты, вроде и в форме ходят – но отслужить государству их никто не заставляет.

И кстати сказать – выяснилось, откуда взялся запрет на посещение нашей Академии ИХ курсантами, а соответственно нашими курсантами – обычной Академии. Ревность. Конкуренция. Желание доказать всему миру, что: «Наши-то круче!».

Да, доходило и до драк. К нашей Академии приходили чтобы подраться, наши ходили к их Академии. После нескольких смертельных случаев – посещение конкурирующего учебного заведения без разрешения руководство запретили строго-настрого, под страхом отчисления.

Это было очень давно, сейчас уже такого дикого противостояния нет, тем более что в Академии Магии курсантов в два раза меньше, что в Офицерской Академии. Но… прежние правила никуда не исчезли, они сохраняются, и… вот

при таких понимаешь ли безобразиях, при такой конкуренции, эти многоумные устраивают балы! Да, совместные балы, которые якобы должны укреплять, приближать, скреплять и все такое прочее. И первый бал должен состояться через три недели после начала занятий, на праздник Святого Сегрена, покровителя воинов.

Ни про какого Сегрена я и не слыхивал, про бал тоже, и был немало удивлен тем, что оказывается – отказаться от участия в этом событии можно только в том случае, если ты шибко болен, ранен или умер. В остальном – бал в ранге положенности. Хошь, не хошь, а давай, балуй! Или бались? Или бальсируй?

В общем, после этого известия я побежал в город и срочно сшил себе мундир из хорошей ткани (пришлось переплатить за скорость), приобрел новые ботинки, а еще – наконец-то навел порядок у себя на голове. Сходил в хорошую, дорогую парикмахерскую, где их моей белой гривы сделали нечто удобоваримое. Нет, совсем волосы не постригли – они у меня очень отросли, и сейчас опускались до самых плеч. Их подровняли, а еще – перехватили специальной лентой, для удобства хождения. Тут это называлось «воинский хвост». Кстати – такая прическа имеется у многих наемников.

Вообще-то я предпочел бы постричься практически налысо, но посмотрел в зеркало, и вспомнил свою уродски обработанную голову в момент моего прибытия в этот мир, и решил, что раз я уже не нищий, то и выглядеть буду соответственно.

* * *

Утро. Сигнал колокола. Пора вставать. Поднимаюсь, делаю зарядку – бой с тенью, растяжку, упражнения с мечом. Благо что комната большая, тут есть где развернуться.

Кстати – у наших «конкурентов» таких «номеров» нет. И это еще одно отличие нашей Академии от обычной. Они живут в маленьких комнатах по два человека. И это считается правильным, ибо воин должен испытывать лишения, ведь только так закаляется его душа. Ну и тело соответственно. Глупо, конечно же… но в чужой монастырь… понятно.

Пока скакал с мечом – в дверь постучали. Прячась за дверной створкой, выглянул – Ана. Почему прячась? Да потому что голый, как младенец. Тут спят голыми, или когда холодно надевают что-то вроде ночной рубашки – вне зависимости мужчина ты, или женщина. Спать в ночнушке – это не для меня. Так что уже привык голышом.

Ана моему виду не удивилась – она меня видала во всех видах, как и я ее разумеется. Девушка сразу же занялась уборкой, протиркой пыли, хотя вроде бы и протирать тут было нечего, ну а я закончил комплекс упражнений.

Кстати, работать с мечом я точно стал гораздо лучше. Откуда знаю? Да чувствую это. Переходы из стойки в стойку, уклоны, нырки – все это дается легко, так, будто я родился с мечом в руках. Знаю, откуда дует ветер – Хенель ведь сказал, что оставил мне свои умения. Вот они и начали у меня проявляться – медленно, но верно.

После гимнастики пошел в душ, потом растерся широким жестким полотенцем. Заканчивал мыться уже холодной водой – бодрит, тем более что на город как-то сразу опустилась летняя жара. Зима, она же сезон дождей – закончилась, настало время долгого, очень долгого лета.

Не одеваясь, пошел в гостиную, где уцепил Ану за руку и потащил в спальню. Она вяло сопротивлялась, потом покорилась судьбе и покорно дала себя утащить. В спальне я приказал ей раздеться догола, и опять она так же вяло и заторможено это сделала – как заводная кукла, у которой кончается завод. Раздевшись, осведомилась, в какую позу ей встать, и не дожидаясь ответа приняла коленно-локтевую позу, зная, что я предпочитаю эту позу больше всего. Я в ответ вздохнул, и сообщил, что сегодня утром мне не до игрищ, а я всего лишь хочу ее осмотреть.

Да, опухоль обнаружилась на правом бедре. Пульсирующая, красная, впившаяся в тело черными жгутиками-ножками. На ее уничтожение у меня ушло минут пятнадцать – я уже довольно-таки хорошо поднаторел в уничтожении этой пакости, так что красная погань извиваясь и корчась в муках сгинула, будто ее никогда и не было.

А потом я все-таки не выдержал, прыгнул в кровать, и… случилось то, что случилось. Ана кстати сказать явно получила удовольствие, и какого черта тогла

строила рожу, изображая из себя попранную невинность? Кто только сутки с небольшим назад прыгала на мне, запрокидываясь назад и дергая себя за соски? Страстная между прочим девушка, очень даже страстная. Может жениха себе нашла? Потому и сопротивляется?

Мы лежали на постели рядом, успокаивая дыхание, и первое, что я спросил у своей маленькой любовницы:

– Послушай… кто тебя хочет извести? Кто может желать тебе зла? Ну-ка, вспоминай! У тебя есть недоброжелатели?

Ана вздрогнула, потом резко, одним движением села на постели, обхватив себя руками за плечи. Обнаженная спина ее была такой гладкой, такой беззащитной, что я не выдержал и провел по ней ладонью. Ана поежилась, вздохнула:

– Я не знаю. Есть у меня одно подозрение, но… это же не может быть! Не так давно я зашла к тетушке… она увидела меня без родимого пятна, охнула, поздравила, стала расспрашивать, как и чего. Я сказала, что вылечилась в Академии, у самого лучшего лекаря. Про тебя ничего не сказала. Мол, накопила денег и все отдала. А пока разговаривали, приходит парень – я его с детства знаю, сын булочника Перона, хороший парнишка…

Глаза Аны затуманились, и я криво усмехнулся – да, сын булочника неплохая партия. Вот откуда ноги у ситуации растут! И правда, надо прекращать баловство с девчонкой. Залететь она не залетит – я купил ей амулет от зачатия, но… девчонка честная, она так не выдержит – кувыркаться с начальником и любить другого мужчину.

– Ну, так вот… – после небольшой паузы продолжила Ана, укладываясь рядом со мной. Я обнял ее за обнаженные плечи, привлек к себе. Жалко будет расставаться с девочкой! – Гиом с детства меня знает, мы с ним дружили. Он всегда меня жалел, и как-то даже сказал, что женился бы на мне, даже с таким вот уродством. Только папаша не позволяет, сказал – из дому выгонит, если он приведет такую… меня в дом. А приходил он к моей троюродной сестре. Тетушка-то мне не совсем родная. Ну и вот – у нее трое сыновей, здоровенные такие придурки, вечно меня дразнили, тетушка их ругала, и сестра – она чуть помладше меня. Вот к сестре Гиом и приходил. А как увидел, что лицо у меня чистое, так аж загорелся весь! Мол, пойду к отцу, скажу, что Ана стала

красавицей, папаша и позволит на мне жениться! Он в ноги ему упадет! И ушел. А сестра, Берта, такую истерику устроила… сказала, чтобы я больше не появлялась у них в доме, что я разлучила ее с женихом, что я тварь тупая, и чтоб я сдохла.

– А тетушка? Она что сказала? – не выдержал я, медленно теребя двумя пальцами упругий сосок девчонки. Приятно!

– Сказала, что я неблагодарная, что так не поступают с сестрой. Что это она устроила меня в Академию, и что я по гроб жизни ей обязана. Ну и… все. Ушла я от тетушки, как оплеванная. Старший, Веном, еще сказал, что если увидит меня у их дома, и вообще на улице – все кости мне переломает. А как он не увидит, если мамин дом стоит у них в соседях? Я что, к себе домой не должна заходить?

Ана поежилась, и отодвинула мою руку от ее груди. Соски у нее были очень чувствительные, я это знал, но не мог отказать себе в удовольствии их потрогать. Я слаб! Я всего лишь человек, не ангел!

– Постой… – вдруг задумался я – Скажи, а кому отойдет материн дом, если ты умрешь?

– Ну… не знаю – пожала плечами Ана – Родни у меня больше нет, кроме тетушки. Ей, наверное.

– А муж ее где? – не отставал я.

– Заболел, и умер – снова пожала плечами Ана – Он хороший был, тетушка грубая, шумная, а он был тихий такой… попивал, конечно. А кто не пьет? Мастер был хороший – обувь шил. Сейчас вот сыновья тетушкины шьют. А она продает на рынке. Только они дешевую обувь шьют… для бедняков. Из плохой кожи. Да и не особо стараются, так что дела у них не очень идут.

– Вот что… сегодня после занятий будь наготове – я отодвинулся и посмотрел в глаза девушке – Хочу вместе с тобой навестить тетушку. Поздороваться с ней, поговорить на тему: «Как не надо обижать девушек-сирот». Не против?

– Не против – улыбнулась Ана, и вдруг помрачнела – Знаете, какие они сильные, братья? Они выше вас! И в плечах в полтора раза! Их все боятся! Особенно, когда они выпьют! Поговаривают, они еще ночами на улицах пошаливают, но это наверное просто разговоры. Побьют вас! У них и друзей полно – такие же придурки, как и они. Вместе выпивают. Не надо бы вам туда ходить, я боюсь за вас. Пускай Темный этот дом забирает в Пресиподнюю – вместе с тетушкой, братьями и сестричкой. А я и тут, при кухне поживу. А то еще сниму комнатку где-нибудь подешевле, мне много не надо! Крыша над головой, да кровать! Помыться вы мне позволяете в вашем номере, а что еще мне надо?

И тут же без перехода – улыбнулась и похвасталась:

– А я платье новое купила! Не видели? Я его только что сняла!

– Честно скажу: когда ты снимаешь платье, я не могу смотреть ни на что больше, кроме как на тебя – улыбаюсь я – Ты прекрасна! Ты одна из самых красивых девушек, которых я видел в своей жизни!

– Красивее госпожи Фелны? – вдруг спросила Ана – И госпожи Хельги?

– Хмм… – задумался я, и после демонстративной паузы бодро подтвердил – Красивее! Конечно же, красивее!

Ну что я мог сказать девушке, которая голой лежит в моих объятьях? Я же ведь не идиот. Но на самом деле после того, как прыщи на лице Фелны исчезли, и лицо ее очистилось, оказалось, что девица очень даже красива. Не хуже той же Аны, это точно. Только вот… «породистее», что ли? Ана – как красивая молоденькая лошадка, Фелна – арабская кобылица, в каждом движении которой угадываются поколения аристократов, выросших в достатке и заботе. Ана очень красива, просто ангельски красива, но… нет в ней этого самого аристократизма. Вечно испуганный взгляд, движения собачки, которая все время ждет пинка или окрика. Это видно с первого взгляда, увы. Гордость не воспитаешь за несколько дней.

– Ждешь меня после занятий в этой комнате. Готовая к выходу – повторил я, и притянул девушку к себе. В этот раз она не сопротивлялась, наоборот – приникла всем телом и стала целовать – истово, будто болящий, припавший к истукану в надежде на то, что деревянный идол избавит его от болезни.

Ну что же… после того, как мы сходим в ее дом, буду думать, как пристроить девицу. И надо прекращать наши постельные игрища, не нужно, чтобы на нее пал хоть краешек тени. И вот что… надо будет восстановить ей девственность. Не было ничего! Чиста, как снег на горной вершине! И никаких тебе вытаявших летом альпинистов…

Ну а пока… иди ко мне, моя сладкая! Времени немного, но мы успеем. Эх, жаль прекращать с с тобой отношения! Эдак не выдержу, да и… запасной вариант использую. Два запасных варианта.

Глава 3

– Аннар… ну-ка, поговорим!

Я маню подавальщицу в сторонку, она кивает напарнице и вытирая руки полотенцем, подходит:

– Что случилось? – на крупном лице женщины написано недоумение, а я внимательно смотрю ей в глаза:

– Я сегодня собираюсь посетить… тетушку Аны. Ничего не хочешь мне сказать по этому поводу?

Смущается, потупила глаза:

– А разве Ана тебе ничего не говорила?

– А что она должна была сказать – мягко, но безжалостно продолжаю наседать я.

Вздыхает, разводит руками:

– Ну да… я не родная ей, и не тетушка. Когда Ана пришла сюда, была такая запуганная, такая… несчастная, ну я и стала о ней заботиться. Девчонки

смеялись – ты ей как родная тетушка! С тех пор и пошло – тетушка, да племяшка. Мне показалось, что ты лучше поймешь, если я назову ее племяшкой. Да и вообще – уже привыкла. Она мне как родная. Кстати, она очень хорошо к тебе относится. Целыми днями только: господин Син то, господин Син се! Девчонки обзавидовались ей. Ну а чего – красивая, в услужении у красавца… ей любая позавидует!

Аннар подмигнула, и нарочито поджав губы, кивнула. Потом с откровенным уважением добавила:

– Видела у нее амулет от беременности… ты молодец. Другие мужчины и не задумались бы над тем, что делать девушке, когда она залетит. А ты вот – озаботился! И не беспокойся, она ничего особого про тебя не рассказывает. Только то, что ты щедрый, добрый, и… в общем – никаких тайн. И опять же – не рассказывает о том, что вы с ней спите. Это я сама догадалась, видела амулет, когда она переодевалась.

– Ей замуж надо – вздыхаю я – Скоро наши отношения прекратятся. Не хочу портить ей жизнь. Прокатится дурная слава о том, что она живет в содержании у своего нанимателя, и что будет?

– Да ладно! – Аннар весело машет рукой – Кому какое дело, что было раньше? С ее-то мордашкой, фигурой, ножками – и ей не выйти замуж? Даже не думай об этом. Развлекайтесь, пока молодые. Для здоровья полезно (подмигивает). И мужа порадует – ворки умелые любовники, ты ее как следует научи мужа любить! Хе хе… Чтобы потом не бегал на сторону. Понимаешь, Петр… жизнь скоротечна (вздыхает, вытирает глаз запястьем). Сегодня живем, а завтра – нет. Радуйтесь тому, что у вас есть, радуйтесь каждому дню! Послушай тетушку Аннар… не гони девчонку, люби ее со всей своей силой! А завтра… это будет завтра.

– Спасибо, тетушка… я подумаю над твоими словами! – улыбаюсь я, Аннар улыбается в ответ, но тут же хмурится, будто гаснет:

– Говоришь, к ее тетке собрался? Будь очень осторожен. Знаю их семейку. Говорят, что и дети-то не от покойного мужа. Тетка Аны известная оторва. Еще до замужества бегала по мужикам – набегалась, и окрутила мужичонку. Дети-то на него ни капли не похожи. Она и будучи замужем бегала к полюбовнику. Муж-

то у нее был худенький, тщедушный, а эти три мордоворота – в кого пошли? Не буду утверждать наверняка, но… был у нее один. Стражником служит. Может и сейчас к нему бегает, ну а чего? Ей лет-то не так уж и много. Вот сыновья точно копия этого стражника – видела я его. Может потому ее мужик и стал пить – а кому понравится, когда жена при живом муже на сторону бегает? Переживал сильно. И еще… поговаривают, что умер он как-то странно. Язвами покрылся, и скончался всего за сутки. Хотели даже сжечь дом, а их прогнать, но передумали. Остальные ведь в семье не заразились.

– Кто хотел сжечь? – спросил я, слегка озадаченный вываленной на меня информацией.

– Соседи, кто же еще? – просто ответила Аннар – А кому нужно в соседях гнездо заразы? Они же по одной улице ходят, помои на нее плещут. И зачем им заразная семейка? Но передумали. Может потому, что сыновей боялись? Ох, и лютые эти парни! Силища немеряная! Потому и говорю – не ходил бы ты к ним. Ану я тут пристроила, у нее койка своя есть. Помыться, поесть, поспать – тоже есть где. А там глядишь, и жениха найдет. Попозже, когда нагуляется. Ей теперь за всю ее несчастную жизнь нагуляться надо.

– А надо? – усмехаюсь я.

– Надо, надо! – расплывается в улыбке Аннар – Иначе потом будет искать мужиков, чтобы попробовать! Надо чтобы как следует нагулялась, чтобы и не хотелось больше! Чтобы мысли были только о семье, о детях! Уж поверь, я знаю что говорю! И не смейся – я не всегда была такой… большой. Худенькая была, как тростиночка! Как Ана! Это сейчас я раздобрела. Ну и что? Мой мужик любит, когда любимой побольше. Говорит – есть за что обнять! А то все – кости о кости стучат, грохот как от ломовика!

Она смутилась, и фыркнула:

– Это я не про тебя с Аной. Это так… вообще.

И тут же перешла на другую тему:

– Ну что, покушаешь? Давай-ка я тебе побольше положу, а то все худенький и худенький! Будто и не ешь совсем!

– Растолстею – в новый костюм не влезу – улыбаюсь я.

– Новый сошьешь! – хихикает Аннар – Эх, и где мои двадцать лет! Я бы тебя ухватила… и не отпустила бы ни за что на свете! Иди, положу тебе гуляша! Эх, и вкусный сегодня получился! Ешь, тебе силы нужны… ночь скоро!

Я шел к своему столику раздумывая о том, как и за какое место меня ухватила бы подавальщица. Картина выходила эпическая, мое богатое воображение выстроило целый видеоролик на эту тему. Я вообще-то никогда не любил высоких плотных женщин, особенно если они норовили ухватить меня и куда-нибудь отвести (в ЗАГС напрмиер). Предпочитаю доминировать, а не подчиняться. Кстати – чего это она решила что до ночи «скоро»? Утро еще! Завтрак!

Впрочем – для вселенной это не срок. Широко мыслит, подавальщица-философ. Я давно замечал, что великие философы частенько работают в сфере услуг. Подавальщицы, парикмахерши, таксисты. Они знают все обо всем на свете, и могут дать совет по любой мировой проблеме.

Поесть спокойно мне не дали. Справа и слева нарисовались две фигуры, которые тут же пожелали ухватить меня, не отпускать и повести.

– Ты с кем пойдешь на бал?! – с ноткой эдакого обвинителя спросила меня Фелна.

– Да! Выбирай! – обвиняющее ткнула в меня пальцем Хельга – Хватит уже строить из себя недотрогу! Мы что, не знаем, что ты свою служанку пользуешь во всех позах?! Святоша! Строишь тут из себя!

Я поперхнулся, закашлялся, и долго не мог откашлять из дыхательного горла кусочек мяса с острой приправой. Прокашлявшись, запил гуляш соком и сдавленным голосом спросил:

– Кто вам такую чушь рассказал?! Какие позы?! Какие служанки?! И какое отношение моя служанка имеет к походу на бал?!

– Ну, ты не строй из себя дурачка-то! – фыркнула Фелна – Я сама слышала, как она вопила на всю Академию! Даже почти не пришлось ухо прикладывать к двери!

– Да! – Хельга победно кивнула – Я тоже слышала! Вот ведь как вопила! Будто ее резали! И ты говоришь – какие служанки?!

– А нечего подслушивать под дверями! – фыркнул я. Мне было и смешно, и зло брало – какого черта?! Это что еще за шпионы?!

– Точно, подслушивали – раздался голос призрака – И обсуждали то, что у вас там происходило. Со всеми подробностями. Я таких подробностей не читал даже в запрещенной книге «Юности сладкие порывы».

– Сын, ты читал такую дрянь!?

– Папа… а ты разве не читал?

– Я читал, но думал что ты лучше меня! Чище!

– Нет, папа… я весь в тебя.

– Эй, девушки, а что за книжка такая «Юности сладкие порывы»? – спрашиваю я, следя за лицом Фелны. Та закашливается, опускает взгляд, и тогда я смотрю на румяную (наверное от жары) Хельгу – Хельга, что за книжка такая?

– Ну что ты пристал? – возмущается девушка – Мы не читаем этакую пакость! Описанные там извращения ни одна приличная девушка не позволит применить к своей персоне!

– А откуда ты знаешь, какие именно извращения она не позволит применить? – вкрадчиво осведомляюсь я – Если не читала книгу?

Хельга закашливается, и смотрит куда-то в сторону. Потом наигранно весело говорит:

– О! Гляди-ка, Софи! Представляете, она на днях заявила, что хочет зайти к нашему Пету и попросить его поучить играть на лютне!

– Да-а? И в какой же позе она попросит его… поиграть?

– Отстаньте от меня – фыркаю я, заглатывая последний кусочек мяса и довольно отдуваясь – Чего пристали-то? Это вообще неприлично – мешать человеку поглощать свой завтрак!

– Ты не ответил! – Фелна требовательно посмотрела мне в глаза – С кем из нас двоих пойдешь на бал?!

– А почему именно с вами? А может я Софи приглашу? – отхлебываю сок из кружки и с удовольствием наблюдаю за тем, как меняются лица девушек – Почему это именно с вами? Вы вообще какое право на меня имеете?

– Мерзавец! – с чувством говорит Хельга.

– Мерзавец! – подвхатывает Фелна, и напоминает – Я вообще-то жизнь тебе спасла! Забыл?

– Забыл – признаюсь я – Ладно. Не буду приглашать со стороны. Может со служанкой пойти, как думаете?

– Негодяй!

– Негодяаай…

– Что, и со служанкой нельзя?! – вздыхаю – А что, вы предлагаете пойти с кем-то из вас? А почему не сразу с обеими?

– Правда – почему? – озадаченно спрашивает Хельга.

– Но это же неприлично! – так же озадаченно отвечает Фелна – К тому же он уделит каждой из нас меньше внимания, чем мог бы.

– Я могу очень постараться – искренне заверяю – Меня хватит и на двоих.

– Уверен? – испытующе спрашивает Хельга, и переглядывается с Фелной. А я вдруг подумал: неужели договорились? И это при женской ревности, ведь каждая из женщин абсолютная собственница. Впрочем – это же другой мир, а в другом мире может быть все. Я бы не сказал, чтобы у меня не было такого опыта, но я как-то не особо стремился к этаким отношениям. Было, да – пару… нет, четыре раза. Но это меня не особо «прикалывало». А один раз даже привело к скандалу, после которого я зарекся встревать в такие дела. Одна из девушек вдруг решила, что я оказываю больше внимания ее подруге, чем ей самой, и… в общем – у каждой по фингалу, а я, разнимающий, получил коленом по самому святому для мужчины месту (нет, не по голове). А оно мне надо? Женщины непредсказуемы и опасны, особенно в любовных делах. С тех пор я категорически пресекал любые попытки вовлечь меня в «экзотические» удовольствия. Хотя желающих дам хватало. Когда я находился в отпуске деньги у меня водились, а с деньгами сразу же появлялись друзья, и самое главное – подруги. Последние как мокрицы – спутницы теплых и сырых мест. Стоит такому месту появиться – как тут же в нем заводятся мокрицы.

– Вот что, подруги – говорю твердо, жестко и без обиняков – Если чего-то от меня хотите, так говорите это ясно, без иносказаний и виляний попками. Жениться в ближайшие десять лет я точно не собираюсь. Так что можете на это не рассчитывать. Хотите что-то еще… я не против, главное, чтобы вы однажды не передрались. Это понятно?

– Жениться! – фыркнула Хельга – Да кто говорит про женитьбу?!

– Наивный какой мальчик – хихикает Фелна – Да кто тебя в храм тянет? Но и строить из себя святошу не надо!

– И кстати – вам было не стыдно подслушивать у дверей? – делаю я контрольный выстрел.

– Абсолютно не стыдно! – хохочет Хельга.

– И поучительно! – хихикает Фелна – «Ооо… встань вот так! Да, да, еще!» Ах-ха-ха! Да тебя на всю Академию слышно! Даже ухо к двери прикладывать не надо!

– Тьфу! – кривлюсь я, и настроение мое слегка портится – Надо двери другие сделать, что ли. Ну что тут за звукоизоляция?! Все, разошлись! Учиться надо. Готовьтесь – обе. Втроем пойдем на бал. Только вначале хочу посмотреть – в чем пойдете. А то вдруг нарядитесь, как старая зеленщица – позору с вами не оберешься!

– Мерзавец! Мерзавец! – слышу я в спину, и настроение снова подымается. Сказал гадость – вот тебе и радость.

* * *

– … вы должны проникнуть своим мысленным взором в структуру камня, и связать свою магию со структурой…

Бам… Бам… – колокол пробил несколько раз, и я с облегчением встал со своего места. Отвык сидеть на занятиях, отвык слушать нудный, усыпляющий голос преподавателя. Лучше бы он дал список книг, которые надо прочитать, я бы и занялся самообразованием. Может так и поступить? Сижу с малолетками, как здоровенный дурачок-третьегодник, смешно все это выглядит.

Сказано – сделано. Подошел к преподавателю, попросил выдать мне список необходимой литературы, объяснил ситуацию и пообещал сдать экзамены как положено. Думал – пошлет меня подальше, однако артефактор легко согласился, и несколько минут перечислял мне названия нужных книг (а я записывал, хотя в принципе запоминал и на слух). И предупредил, что будет экзаменовать меня без всякого снисхождения. С тем мы и расстались. Наверное, преподавателя и самого раздражала моя фигура, маячившая на верхнем ярусе аудитории.

Вообще, как я заметил, занимаются здесь совсем не так интенсивно, как это делают студенты на Земле. Это происходит примерно так же, как в университетах в средние века: несколько лекций в неделю, и с вас хватит. Вот только там учились годами, по восемь, десять лет. Здесь же всего три года. На лекции преподаватель дает нам направление, в котором надо двигаться, рассказывает о каких-то общих закономерностях, и потом диктует список книг, которые нужны найти и прочитать к следующему занятию. Вот и все. А через некоторое время сдаешь экзамены – чтобы выяснить, что же ты все-таки усвоил в процессе обучения.

С одной стороны это довольно-таки ненапряжно, можешь и не ходить на занятия, главное – чтобы нормально сдал экзамены. С другой – не будешь ходить на лекции – не узнаешь, какие книги тебе нужно читать, не поймешь – о чем пойдет речь в этих книгах. А также – никто тебе не растолкует непонятный момент, описанный в какой-нибудь из рекомендованных книг.

Ну и практика. Без практики – никуда и никак. Но мой поток до практики еще не дошел. Я же новичок! Нуб, так сказать! Мне вначале нужно изучить азы, а уж потом браться за практические занятия. Кстати, они должны начаться примерно через два недели. К этому времени я подготовлюсь самостоятельно, и тогда уже попробую применить знания на практике.

* * *

Ана ждала меня в комнате. Я не стал открывать своими ключами, просто постучал, и девушка тут же открыла дверь.

– Готова?

– Готова! – лицо бледное, руки теребят край кружев на груди… переживает. Боится? Понимаю – неприятно. А может и правда не стоит туда идти? Зайдем к стряпчему – я только вчера по дороге видел большую контору стряпчих возле порта. Там обычно оформляют сделки корабелы и купцы. Подпишем со стряпчим договор – пускай за долю малую расстарается, найдет покупателя на дом, а мы… вернее Ана – получим деньги уже от стряпчего. Да, он отщипнет солидный кусок, но зато меньше будет хлопот, нервотрепки и всякого такого безобразия. Только представить – девушка приведет покупателя, и… там три здоровенных облома с дрекольями. И кто тогда купит этакое жилье?

Ели бы все так просто… но меня интересует совсем другое. Ну, сколько стоит этот дурацкий домишко? Золотой? Два золотых? Пять? Дам я Ане эти деньги – как выходное пособие. Не обеднею. Я за один концерт в трактире не меньше золотого собираю, да и в банке деньги лежат. Меня интересует кое-что гораздо более важное, чем эти страсти вокруг недвижимости. И сегодня я постараюсь все выяснить.

А еще – надо поставить на место зарвавшихся козлов. Уж очень я не люблю «профессиональных соседей». Вот дай мне волю, я бы всю эту шваль просто ставил к стенке. Помню, смотрел в криминальных новостях, как мрази выживали людей из их собственной квартиры. Покупают метр квадратный в квартире, и начинают выживать хозяев, превращая жизнь людей в ад. Тогда и подумалось – жаль, вы не меня попытались выжить. Я бы вашу жизнь превратил в ад. И скорее всего вы бы просто исчезли – вместе со своим главарем шайки, бывшим ментом. Не нарывались еще, твари.

Впрочем – они знают, на кого наезжать. Серьезных людей не трогают. Видимо прежде чем начать свою операцию досконально изучают подноготную хозяев квартиры.

Ана выглядела прелестно. Эдакое воздушное создание, вся в локонах и рюшечках. И платье красивое, точно. Я на самом деле дундук дундуком – мне главное, что под платьем, а она ведь для меня старается. «У такого красивого и важного господина и служанка должна быть нарядная!» – это она мне сказала. Я пожал плечами и выдал ей три статера – так, премия за хорошую работу. Нет, не в постели работу – просто хорошую. Приятная девочка, дарить ей подарки одно удовольствие. А нормальный мужчина должен дарить подарки женщинам – иначе какой же он мужчина? Или женщине… но тут уже как сложится.

Пока шли по коридорам Академии, я боковым зрением ловил любопытные взгляды. Все вроде бы и не смотрели на нас, но… смотрели. Кто-то откровенно ухмылялся, кто-то осуждающе качал головой, а кто-то пожимал плечами. Мол, вот же парочка – гусь и гагарочка! Ворк, безродное животное, и его служанка – тоже грязь из канавы. И они нашли друг друга! Ходят так, будто и положено безродным тварям ходить по коридорам священной Академии.

После боя с младшим Элроном, после занятий боевыми искусствами, на которых я показал умение, превышающее умение своих соучеников как минимум на порядок – меня уже не осмеливались вызывать на поединок. Страшная травма моего противника, последствия этого поединка – потрясли всех до глубины души. Желающих поставить меня на место больше не находилось. Впрочем – подозреваю, что это ненадолго. Память людей избирательна, обязательно найдутся те, что скажут: ему повезло, уж я-то точно не поддался бы такому ничтожеству, этому грязному ворку! И будет еще бой. И еще. Ну что же… место для похорон в этом мире точно найдется.

Со слов Аны идти было далеко, потому я тут же нанял извозчика, в пролетку которого мы быстренько и запрыгнули, исчезнув с глаз благородного сообщества. Подняв кожаный верх, я откинулся на мягкую спинку сиденья и притянул к себе девушку, обхватив ее руками под грудь и практически уложив себе на колени. Вот так и ехали – Ана у меня на коленях, как притихшая кошечка, а пролетка грохотала по мостовой, подпрыгивая на булыжниках и раскачиваясь, как маленькая яхта в пятибальный шторм. Приходилось удерживать девушку чтобы она не свалилась, но это мне честно сказать нравилось. Я чувствовал себя студентом, который едет со своей девушкой за город, на дачу. Старое такси скрипит и попердывает глушаком, трясучая дорога пытается выбить душу из тела, а мне хорошо с прекрасной девушкой, прикорнувшей у меня на руках.

Интересно… вот если бы я вернулся на Землю – в этом теле, с этой девушкой – чем бы тогда занялся? Куда бы пошел? Если только в музыканты… Не в наемники, это точно. Хватит уже мне войны.

Оружия с собой не взял. То есть – ни меча, ни арбалета у меня не было – только нож на поясе, без ножа тут ходят только рабы. Не дураки же эта семейка, чтобы среди белого дня нападать на курсанта Академии!

Кстати сказать – квартал, где жила Ана находился в непосредственной близости от воркской слободы, в которой я так ни разу и не побывал. Как-то недосуг было. В конце концов – это мое тело принадлежит племени ворков, но я-то сам не ворк. Нет у меня эдакой ностальгии по родному племени. Мне все здесь одинаково чужие.

– Вот тут! – показала Ана, когда мы с ней вышли из пролетки и прошли метров двести. Подъезжать ближе она не захотела – чтобы не привлекать внимания соседей. И я с ней был солидарен. Лучше мы с фланга обойдем. Теперь у меня уже не было ощущения того, что я нахожусь на свидании с девчонкой, хотя окружающий нас пейзаж как раз и настраивал это самое минорное настроение.

Пейзаж – будто я за городом, где-то в дачном массиве. Небольшие сельские дома, выстроившиеся вдоль узкой улицы, как ни странно – тоже замощенной булыжником. За не очень высокими заборами – сады, а ставни домиков изукрашены резьбой по дереву и раскрашены голубой, белой и синей краской. У меня даже возникло чувство дежавю, будто нахожусь где-то в Пензенской губернии. Довольно-таки чистенько, прибрано, хотя как это часто бывает в таких

местах густо пахнет испаряющимися под солнечными лучами помоями. Плещут на улицу без зазрения совести – нет бы выплеснуть в сад, или в выгребную яму. Золотарь стоит денег, вот и экономят, крохоборы чертовы. Впрочем, такое я встречал и на Земле, не раз, и не два, так что здешние аборигены ничем не отличаются в этом плане от наших людей. Только у здешних смартфона нет и телевизора, а мировоззрение точно такое же, как и у земных крохоборов.

– Вот мой дом! – Ана показала на вполне добротный, сложенный из камня дом, и я немало удивился – ожидал увидеть что-то покосившееся, убогое, гнилое. А тут – вполне приличное сооружение комнат на пять, не меньше. Крыша выложена черепицей, и не видно, чтобы ей требовался ремонт. Увидев мое легкое замешательство, Ана поняла и с доброй улыбкой сказала:

– Это папа строил. Он еще и приторговывал, когда ходил с караваном, так что деньги у нас всегда водились. Тут раньше стоял маленький деревянный домик – папа дом сломал, и на его месте построил этот, каменный. У нас даже туалет в доме – со сливом! И вода есть! Дождевая, или можно натаскать из колодца. Он емкость сделал на чердаке, так что и мыться можно в душе. Нам все соседи завидовали. Он работящий был – руки как из серебра сделаны!

Глаза Аны затуманились, она вздохнула и пошла к воротам, в которых виднелась небольшая калитка. Затем пошарила рукой в траве у скамейки, ничего не нашла и оглянувшись на меня, пожала плечами:

– Я тут ключ прятала, чтобы калитку открывать. Видите, тут дырочка – в нее надо ключ совать, повернуть, и задвижка откроется. Но ключа почему-то нет.

Я кивнул, и недолго думая подошел к воротам и дважды сильно ударил кулаком в темные от времени доски. Прислушался, развернулся спиной и начал размеренно долбить в ворота каблуком, пока из-за забора не раздался молодой, срывающийся на фальцет голос:

– Чо надо?! Кто там балуется?! Ну-ка отошел, а то щас башку разобью!

– Это старший, Веном! – вполголоса сказала Ана – У него такой голос смешной! Как у маленького мальчишки! Он очень не любит, когда ему говорят про голос!

– А кто там так пищит, что за крыса? – как можно громче крикнул я – Мальчик, позови старших! Поговорить надо!

– Я щас тебе дам старших! – пропищал голос, и я услышал приближающиеся тяжелые шаги.

Глава 4

– Их трое – слышу я голос призрака – Боюсь, что ты не сможешь с ним справиться.

– Что, настолько все плохо? – легкомысленно осведомляюсь я, и тут же получаю ответ:

– Еще хуже.

Вскоре я убедился, что сказанное не отражало и доли объективной реальности. Первое, что я подумал, с оторопью глядя на это существо: «Кинг-Конг!». Рост – выше двух метров. Вес – двести килограммов, не меньше. Заросшее черной неровной щетиной лицо с глазами-пуговками, вывороченными пухлыми губами и растопыренными круглыми ушами.

Второе, что пришло в голову, прежде чем на меня обрушилась колонноподобная ручища: «Это же Шрек!».

Я уклонился от удара, и тут же словил хорошую такую плюху сковородообразной ладонью этого монстра. Кто там говорил, что большие люди медлительны и неуклюжи? Этот – не был неуклюжим. Гаденыш с лицом дауна двигался с такой скоростью, что я едва успевал уклоняться от его ударов, подныривать под громадные ручищи, двигающиеся со скоростью лопастей ветряка.

Пока что успевал. Вот только таких «ветряков» было три. Вернее – трое. И это обстоятельно заставило меня пожалеть, что я не взял с собой меч.

Нож уже в руке… выпад! Еще! Парирует, тварь! Как он успевает?! Что это за чертов мутант?! Посмотреть бы на их папашу, что он за монстр…

Есть! Чиркнул по плечу гада! И это его только разозлило. Я все равно как с медведем дерусь! Только медведь глупый, а этот гад при медвежьей скорости и силе еще и соображает. И похоже что где-то учился единоборствам, иначе как он может драться с такой ловкостью и с таким умением?! Или это врожденное?

Так. Двое заходят со спины и сбоку. Бежать?! Вернуться с мечом и покрошить эту сволочь?!

Перебрасываю нож в левую руку, обозначаю укол… бью правой в солнечное сплетение… Как в стену, черт подери! Я не пробил мышцы пресса, хотя бил изо всех сил, все умение вложил в этот удар, всю массу! Во мне сейчас килограммов восемьдесят, не меньше – я худой, но костей и мышц хватает. И вот – не пробил!

Ааа… черт! У них дубинки! Вот теперь трындец. Завалят – на раз. Нож против дубинки не катит. Я с дубинкой забью любого, даже мечника.

Замахивается… перехватываю магией, останавливаю дубинку, бью ножом… и тут же нож вылетает из руки после удара дубинки третьего монстра.

Эти три типа будто отлиты в одной форме – туповатые лица с маленькими злыми глазками, широченные плечи, бычьи ляжки и оттопыренные уши – настоящие огры! Может и правда огры? Это ведь другой мир, тут все может быть!

Смешно. Верчусь, ускользая от града ударов, бью, рискуя умереть нарвавшись на встречную плюху, а на периферии сознания медленно-медленно ворочаются мысли… будто это не я сейчас с треском впечатал кулак в челюсть гиганта справа от меня, будто это не я врезал ногой в пах тому, что слева – я как бы смотрю на себя самого со стороны, и мне это все кажется нереальным.

Кулак только загудел – чуть кости не переломал. Череп у монстра – будто из стали. И удар в пах не прошел – может у него и яиц-то нет? А что – эдакий голем без детородных органов!

– Пусти меня в свое тело. Клянусь честью – я выйду, как только разберемся с этими уродами.

Это Мастер. Верить?

– Я оставлю тебе мои знания, обещаю. Я никогда не обману тебя.

Этот не обманет. Для этого – честь дороже всего. Поверю!

Мир моргнул, и сделался как-то… ярче, что ли. Запахи стали сильнее. Чувствую, как воняет потом и мочой от того, кто вышел первым. Запах лука от второго. Третий… воняет дерьмом. С улицы тянет помоями, и откуда-то издалека – почему-то лошадиным потом. Конюшня там, что ли?

А еще – все замедлилось. Мир будто перестал двигаться! Медленно-медленно замахиваются три монстра, и на их одутловатых лицах написана такая незамутненная радостная злоба, что становится даже не по себе – они предвкушают мою смерть, или мое увечье. Им нравится калечить людей!

Пропускаю дубинку мимо виска, хватаюсь за нее, выворачиваю из рук противника. Горообразный тип оказывается в воздухе и медленно вращаясь летит по направлению к придорожному дереву.

А я уже оборачиваюсь ко второму. Уклон… подныриваю под руку-бревно и моя дубинка врезается в висок. Другого человека убило бы на месте, но этот просто оседает, закатывая глаза.

На ногах остался один. Его ничуть не напугало отсутствие братьев, я вообще сомневаюсь, что он способен бояться. Когда ты настолько силен и огромен, ты просто перестаешь бояться чего-нибудь в этом мире. Это беда многих больших и сильных людей – они почему думают, что бессмертны, и никто не может их свалить. А ведь на каждую хитрую задницу найдется… прибор с винтом.

Хрясь!

С дубинкой – милое дело! Особенно если противник двигается так, будто в штаны наложил – едва-едва. Запястье я ему отбил.

Хрясь! Хрясь!

Коленную чашечку – вдребезги! И вторую! Что так насчет того, что высокой башне падать больнее?

Таак… ты еще шевелишься?! Не надо вставать! Совершенно не следует этого делать! Тем более со сломанными ногами.

Хрясь! Хрясь!

Вот теперь вы руками можете работать, а ходить вам будет трудно. Скажите спасибо, что не убил!

Хоп! Мир стал обычным, резкие запахи стали обычными, почти неслышными. Звуки – прежними, без растяжки и этого низкого бу-бу-бу…

– Так ты что, умеешь останавливать время? – спрашиваю я у Мастера, покинувшего мое тело.

– Ненадолго. И ненамного. Достаточно, чтобы победить – отвечает он спокойно, и сухо, как и всегда – Теперь и ты умеешь это делать. Если захочешь.

– А что это за типы такие? – спрашиваю я, не надеясь на ответ – Они вообще-то люди?

– Их предки пришли с севера – отвечает Мастер – Они смешались с людьми, но иногда вдруг у потомков гигантов появляются такие гиганты. Они не очень умны, но невероятно сильны и быстры. Видимо их мать зачала от кого-то из подобных им. А может проявились в седьмом поколении – я слышал о таких случаях.

– Ага – хмыкаю я – А то, что рядом проезжала труппа комедиантов с силачом в своем составе, это полная случайность.

Призрак молчит, я пожимаю плечами и подхожу к Ане, прижавшейся к стене и зажавшей голову ладонями. Девушка тихонько плачет, отвернувшись и будто отгородившись от всего мира.

– Ну ты чего? – трогаю я ее за плечи – Напугалась, что ли?

Поворачивается, утыкается лицом мне в грудь и начинает всхлипывать еще громче:

– Я же говорила! Не надо было приходить! Они такие большие! Такие сильные!

– Ну… все, все… – поглаживаю спину и плечи девушки, а она вжимается в меня сильнее, обняв обеими руками:

– Я думала… они вас убьют! Я уже не верила! А потом они бы меня убили! Он всегда выполняет то, что обещает!

– Ну, видишь… не убили – смеюсь, чувствуя, как отступает напряжение и начинается «отходняк». Сейчас начнут трястись руки и ноги, и лучшее, что можно было бы сделать – хлопнуть сто грамм водки. Но водки нет. Да и это не средство. Без водки надо контролировать себя!

А вообще – печально. Я как-то расслабился, считая, что мне никто не угрожает, что я быстрее большинства потенциальных противников, а моего умения хватит на толпу местных придурков. А оно видишь как получается…

И сразу вспомнился один земной боец ММА, китаец. Его проклинают все китайцы Поднебесной, его запретили показывать по телевидению. Он унижает китайских мастеров. Да, тех самых, знаменитых, обладающих тайным искусством отсроченной смерти после удара пенисом по лбу. Он просто забивает великих мастеров, роняя их на ковер как кегли. Они пытаются изобразить свои хитрые приемчики, скачут «пьяными обезьянами» и «заблудившимися крысами», а он тупо унижает мастеров, посылая их на ковер в первую же минуту боя. Потому что он настоящий боец, а не киношный «Мастер», и привык получать и наносить удары. А еще – он очень силен и быстр, эдакий бычок с налитыми силой плечами. Попробуй-ка, завали такого!

Вот что-то подобное случилось и сегодня. Эти монстры настолько быстрее и сильнее меня, что мое боевое искусство против них – все равно как детским совочком копать фундамент под дом. Выкопать можно, но затратишь на это месяцы и годы труда.

– Ну что, пойдем к тебе домой? – отстраняю девушку и достав из кармана платок, вытираю ей слезы.

– Да… нужно забрать документы на дом. Там бумага от стряпчего, в ней говорится, что дом принадлежит мне. Мы еще когда мама была жива, составили документ. Я не хотела, но мама сказала, что так нужно сделать – она болеет, может умереть, так что я не должна остаться на улице.

Ана помолчала, посмотрела на стонущих монстров, и с ноткой сожаления в голосе сказала:

– Знаете… а ведь в детстве они меня защищали, когда кто-то меня обижал. Это потом они стали такими… грубыми. А раньше такими не были. Хорошо, что вы их не убили…

Ана опять стала называть меня на «вы», и только в постели, в момент наивысшего возбуждения – «тыкала». Но заканчивался секс, и… мы снова становились работодателем и работницей. Не скажу, чтобы это меня напрягало, но…все-таки как-то не по себе. Не могу привыкнуть.

Я подобрал свой нож, вложил его в ножны, и потирая ушибленное запястье, пошел следом за Аной. Вечером подлечусь, хорошо хоть кости выдержали, не сломались. Просто ушиб.

Во дворе никого не было, а вот в доме… Почему-то я представлял тетушку Аны эдакой здоровенной бабищей, настоящей родительницей этим трем мордоворотам. Однако – нет. Передо мной стояла достаточно еще молодая женщина лет под сорок, или чуть больше – симпатичная, ухоженная, фигуристая. На лбу – никакой печати зла, когти из пальцев не торчат, копытами по полу не стучит. Женщина, как женщина – вполне себе такая… для мужчин. Я шел настороженно, готовый к отпору, но увидев эту самую мадам слегка расслабился. А зря. Вот в таких тихих бабах и водятся черти! Как и в тихих омутах.

Она встретила нас молча, без удивления глядя на меня и мою спутницу. Потом шагнула к столу, схватила здоровенный нож, или вернее тесак для рубки мяса, и без малейшего сомнения занесла его у меня над головой.

– Ты убил моих сыновей! Ты сдохнешь, тварь воркская!

Получилось как-то слишком уж театрально, пафосно, как в дурном спектакле, но вот квадратный тесачок-топорик отнюдь не был бутафорским, а рука у меня болела все больше и больше. Но конечно же мадама не ее сыновья – сильная, не спорю, и ловкая на удивление. Но… В общем – полетела она от моего пинка в угол так, будто ее сдуло. С душой пнул. Уж очень эта семейка меня разочаровала.

– Аааа! Убил! Мамку убил! Сучка! Это ты его привела! Сучка! Тварь! Убью!

О господи… да сколько же вас?! Как вы мне надоели!

Фурия возрастом чуть младше Аны вылетела из соседней комнаты, держа в руках хороший такой топор на длинной рукояти, больше похожий на боевую секиру, чем на топор. И вот не надо было ей вопить, тогда может и случился бы маленький, но все-таки шанс снести башку любимой сестричке. А так – лишь потеряла сознание и улеглась рядышком с мамочкой.

– Еще кто-нибудь есть? – на всякий случай крикнул я – Выходите, паскудники, я вас вижу!

Паскудники не откликнулись, из чего я сделал вывод, что или они хорошо спрятались, или их вообще не существует. Ну а пока что в ожидании появления очередных противников я занялся упаковыванием этих слишком уж бо?рзых дамочек, так лихо управляющихся с рубяще-колющем оружием. Мне надо с ними поговорить, а каждый раз отправлять фурий в глубокий нокаут у меня нет ни сил, ни желания.

Связал дамочек разорванными на жгуты полотенцами и присел отдохнуть, перевести дух. Эта схватка меня утомила настолько, что реально тряслись ноги и руки, просто-таки ходили ходуном.

– А ты как думал – откликнулся на незаданный вопрос Мастер – Ничего не дается бесплатно. Чтобы двигаться с большой скоростью ты должен тратить ману и жизненную энергию. Это не все боевые маги умеют, а уж про лекарей и говорить нечего.

– Хмм… это что, я теперь боевой маг? – удивился я.

– Не знаю – после недолгого молчания ответит призрак – Я оставил свои знания, свои умения. Но приживутся ли они, и когда приживутся – сказать ничего не могу. Хенель ведь оставил тебе свои знания, и что получилось? Немного получше стал работать с мечом, и… все. Не так ли? Знания, умения – это полдела. Нужно чтобы эти знания прижились, надо тренироваться. Что толку в знании того, как надо правильно подтягиваться на перекладине, если ты не подтягиваешься, не тренируешь свои мышцы? Что толку с того, что ты знаешь, как правильно стрелять из лука – если не стреляешь из него каждый день? Теория и практика идут рука об руку, и это надо знать каждому, кто занимается боевыми искусствами – обычными, или магическими. Чем больше ты ими пользуешься, тем сильнее развивается твой дар. Запомни это.

Я заверил, что запомню, а сам стал внимательно наблюдать за тем, как в комнату на руках вползает старший из братьев. Ноги у него не работают, но ползет он очень активно, чем-то напоминая гигантского таракана с раздавленным брюхом. Только тараканы молчат, а этот рычит и матерится. А глаза таким огнем горят – сейчас ему только бы до меня добраться, порвать, как Тузик грелку! Нет, братец… отдохни-ка ты.

Беру со стены, с полки здоровенную скалку, и с силой трижды бью парня по голове. Звук такой, как если бы я вдарил в стену. Бам! Бам! Бам! Похоже мозга у монстра совсем не имеется, сплошная кость. Затих только после третьего удара.

– Нашла! – радостно кричит вернувшаяся из соседней комнаты Ана, и показывает мне желтоватый листок плотной бумаги с печатью магистрата. Я молча киваю, и обращаясь к матери монстров, вполголоса говорю:

– Хватит притворяться. Давно очнулась, я ведь знаю. Раскрывай глаза и рассказывай, как дошла до такой жизни.

– До какой? – изображает удивление дама и якобы незаметно шевелит конечностями, проверяя путы.

– До такой! – резко говорю я – С какой стати вы забрались в дом Аны и расположились тут, как хозяева? Кто вам позволил?!

– Ну а чего… она здесь не живет, а дом пустует – хмыкает мадам, имя которой я так и не удосужился спросить – Говорили, она нашла себе какого-то богатенького дурачка, и сосет из него деньги. И скоро уйдет к нему в содержанки. Так чего дому пустовать? Мы и заселились. Что тут плохого? Она все-таки родня!

Опускаю информацию про «богатенького дурачка», продолжаю допрос.

– Так. Опустим тот факт, что твой сынок сказал девушке сюда не приходить. Оставим в стороне то, что твои идиоты на меня напали…

Я прервал свою обличающую речь, поднялся, и снова слегка поработал скалкой – уже со вторым братом, потом с третьим. Доползли, тараканы поганые! Мадам все это время молчала, и только лишь с ненавистью смотрела за тем, как я стучу по башке этим отморозкам. Я кстати еще не решил, что с ними делать. Спустить в канализацию? Так не пролезут, да и тащить такие туши надорвешься. Тут ломовой извозчик нужен. Опять же – я же обещал не убивать бандитов без решения суда – если только они на меня сами не нападут. Они напали, я сразу не убил, так что теперь? Убить покалеченных, беспомощных?

В принципе – и это можно. Мы же не смотрим на то, как мучается покалеченный таракан. Убил его – да и все недолга.

– Итак – начинаю я с того места, на котором остановился – Пока забудем тот факт, что твои отморозки попытались меня убить, и скорее всего с твоего позволения и при твоем участии. Меня другое интересует: кто из вас наслал проклятье? Быстро отвечаем, ну!

Молчат. И мамаша молчит, и дочка. Кстати – дочка вполне симпатичная, и если бы не ее хищный, острый взгляд волчицы… я бы и сам на нее позарился. Вот эта, похоже, дочь своего отца. Настоящего отца. А эти три мордоворота – точно где-то на стороне прижиты.

– В общем, так, барышни – вздыхаю я – Сейчас возьму этот тесак (беру), и буду вам по очереди отрубать палец за пальцем, пока вы не скажете мне, кто наслал проклятье на Ану, и по чьему наущению. Вы обе не волшебницы, сыновья твои тоже не волшебники – я уже проверил. Значит, вы обратились к кому-то на стороне. К кому?

Молчат. Ни слова в ответ. И это неправильно. Беру тесак, подхожу к мадам… она дергается, пытается от меня отползти. Останавливаюсь, думаю. О чем думаю? А о том, как дожать мерзавок. Я ведь не садист, мне их пальцы ни к чему. Но точно буду рубить, если не сознаются.

Отхожу от мамаши, иду к дочке. Та повизгивает от страха, извивается, как гигантский червяк. Страшно ей. А когда с топором выскакивала – не страшно было?

Достаю статер, показываю матери и дочке:

– Видите монету? Сейчас подбрасываю, она падает, и если вверху окажется портрет императора – начну с мамаши. Если герб империи вверху – значит, первой отрублю палец дочке. Хотя… может с носа начать? Будете ходить безносые, эдакие живые черепа! Все вас будут пугаться, ни один мужик и близко не подойдет! Конечно, можно нос вырастить. Хороший маг-лекарь запросто вырастит. Только вот двадцать золотых – есть у вас? И вообще – когда отрезают нос, это наверное больно. Я не пробовал, но мне кажется – вам это не понравится.

Помолчал, и как заору! Так, что у самого в ушах зазвенело:

– Быстро, сучки! Кто порчу навел на девчонку?! Отвечать!

Молчат. Вздыхаю, и шагаю к дочке:

– Я передумал насчет монеты. Сейчас тебе отрежу нос, уши, и два пальца. Все! Достали вы меня!

– Я! – глухо бубнит мамаша – Я наняла колдунью. Ее звать Еллана. Она живет в воркском квартале. Она ворка.

– И зачем ты напустила порчу на девчонку?

– Анка женихов отбивает у дочки – лицо женщины перестало быть миловидным, зубы оскалены, глаза-щелочки. Мегера! – Слишком красивая. Но я же ее не убила! Попросила, чтобы не умерла! Все-таки родня.

– Добрая ты! – криво ухмыляюсь я – А мужа своего зачем убила? И мать Аны? Только не надо рассказывать, что они сами умерли! Не оскорбляй мой разум!

– Не знаю, о чем ты говоришь – взгляд дернулся в сторону, а дочка удивленно подняла брови. Ага… не знала?!

– Что, не знала, что мамаша папеньку сгубила? – спрашиваю младшую фурию – Ты бы сравнила себя, и этих трех мордоворотов. Вы похожи? Один отец? Мамаша загубила твоего отца, чтобы бегать к любовнику!

– Мама! – смотрит на мать, и та тушуется под взглядом дочери.

Пусть себе. Что, подло? А не подло мужа изводить, чтобы бегать к любовнику? Тварюга… и что с ней теперь делать?

– Повторяю вопрос – зачем извела мать Аны?

Черт! Черт! Не успел! И откуда в девчонке столько силы?! Впрочем – попробуй-ка, повозись целыми днями с тряпкой, ведрами, кастрюлями и тазами. Это тебе почище всякого фитнеса! То-то у нее фигурка такая спортивная. Но все равно – топор-то вон сколько весит…

Топор мелькнул в воздухе и череп мамаши раскололся пополам. Тело задергалось, по кухне разлетелись брызги крови, кусочки кости и мозга, а дочка дико, истошно завопила, пытаясь разорвать путы.

Ну, вот и все. Вот и каюк. Назад дороги нет. Теперь нет причины решать – сохранять им жизнь, или нет. Свидетели.

– Выйди из дома! – мрачно говорю Ане. Она рыдает, непонимающе смотрит на меня – истерика. Бью ее по щеке, девчонка захлебывается рыданиями, стихает. Смотрит на дело рук своих, и… ее начинает рвать. Прямо на связанную еще живую родственницу. Теперь рвет и «сестричку». Параллельно очнулся старший из братьев – поднимает голову, а глаза красные, как у крокодила в ночи, хрипит, ревет, руки к мне тянет. А вон и второй очнулся! Твою мать… ну какие же крепкие у них черепа!

– Выйди, говорю! – рявкаю я, хватаю Ану за плечи и выталкиваю в коридор. Та медленно бредет на негнущихся ногах, шатаясь, и оглашая окрестности звуками процесса исторжения содержимого желудка. Сходили в поход называется! Честно сказать – я на такое не рассчитывал. Но теперь другой дороги нет.

Беру топор, и под визг девицы подхожу к старшему из братьев. Удар! Еще удар! Готов. Голова покатилась по полу. Второй! Третий!

В душе погано так, что словами не передать. Одно дело замочить в бою, и другое – вот так, хладнокровно казнить. И неважно, что они бы меня растоптали бы на месте и потом радовались, рассказывая, как из меня полезли кишки. Я-то – не они!

Осталась девица. И это тяжелее всего. Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, кричит, и глаза ее вылезают из орбит от страха. А что я могу поделать? Ты ведь можешь заявить в стражу, Ану прихватят, и ты останешься жить в ее доме со своим замечательным женихом. А девчонку казнят за убийство твоей матери. Ты будешь во всех отношениях в шоколаде, а нам придется идти на эшафот! Так вот нет, дорогуша, тут или ты, или мы с Аной. Что выберу, догадайся!

Замахиваюсь, девушка хрипит от натуги, дергаясь, пытаясь разорвать путы, и вдруг обмякает, глядя в потолок широко раскрытыми глазами. Опускаю топор, нагибаюсь, щупаю пульс. Опа! Пульса-то нет!

Господи… спасибо тебе. Уберег от греха! Я так-то не ангел, но… все-таки и не бес.

Но теперь надо подумать, как поступить. Сжечь дом вместе со всем содержимым? Это был бы лучший выход. Хотя… а вот хорошая мысль!

Разрезаю путы девицы, пристраиваю ее так, чтобы казалось – она только что отрубила головы братьям и убила мать, а потом от страха за содеянное у девки разорвалось сердце. Преступление-то страшное! Могут ведь и казнить! Или в рабство.

Некромантов здесь нет, так что спросить призраков будет некому. Да и здесь ли призраки? Смотрю… опа! А нет никого. Видать сходу отправились в Ад. Или куда

там отправляются по здешним верованиям.

Кладу топор на пол, на него – руку девицы. Все, пора уходить. Дверь оставим открытой, ворота тоже – пусть заинтересуются соседи, зайдут, увидят. Пусть думают – что здесь случилось. Вряд ли вызовут стражу – в этом районе не любят иметь дело со стражей. Впрочем – а где это любят? Да и семейку эту похоже что соседи не особо привечали. Боялись, да, но не дружили (со слов Аны). Растащат барахло – но и черт с ним. Дом-то останется. А не останется – да и пропади он пропадом. Теперь нам бы на глаза никому не попасться. Так-то вроде бы на улице тихо, никто не бродит, не заинтересовались криками. Опять же – себе дороже иметь дело с братьями, лезть в их дела. Можно и нарваться. Вполне вероятно, все еще и вздохнут, когда эти отморозки исчезнут из их жизни…

Ана ждет меня во дворе, и мы не спеша, но и не мешкая уходим. Она не спрашивает меня, о том что случилось в доме. А я ничего не рассказываю.

Навстречу никто не попался. Может кто-то нас и видел – из-за окна, или из-за забора, но никак себя не проявили. Опять же – здесь люди не любят лезть не в свое дело. Это как на Сицилии – власть суть Сатана, иметь с ней дело нельзя ни при каких обстоятельствах. Со всеми вопросами – только к Дону!

Сегодня не поеду к некромантке. Уже смеркается, скоро ночь, да и не до некромантки мне пока что. Рука болит – просто сил никаких нет!

Напоследок говорю призраку Анны, чтобы она осталась в доме рядом с убитыми и посмотрела – когда и как их найдут. И вызовут ли стражу. А потом пускай послушает – что вообще говорят об этом событии.

Хорошо иметь при себе призрака-шпиона! Только сейчас начинаю это понимать в полной мере…

Глава 5

Клаш! Клаш! Клаш!

– Истар, выбыл.

– Господин преподаватель, да он промахнулся!

– Истар… тебе что, хочется получить травму?

– Никакой травмы, господин Рогс! Это все ерунда! Прошу продолжить бой!

Рогс вздохнул, поджал губы. Проблема. Этот ворк – проблема! Каждый, каждый из курсантов желает одержать над ним победу! Никто не нужен, ни с кем не интересно – только ворк! Бой-то учебный, тут существуют ограничения, здесь запрещено убивать. Хотя… всякое бывает. Ну вот и хотят поглумиться над диким ворком в безопасном бою. Это надо как-то пресекать…

– Курсант Син! – Рогс посмотрел в бесстрастное лицо ворка, на котором было так и написано: «Мне скучно с вами, детишки! Мне неинтересно играть вашими игрушками! Послать бы вас всех подальше…». И это бесило Рогса еще больше. Как и внешность этого ворка. Если впервые появившись в Академии ворк выглядел как бедный провинциал, каким-то чудом оказавшийся в обществе приличных людей, то теперь… да откуда в нем взялось столько аристократизма? Столько спеси, которая кажется буквально сочится из всех пор его кожи!

Впрочем – и пор никаких не видно. В отличие от многих курсантов и курсанток, страдающих от возрастных прыщей, у этого типа белая, гладкая, будто выточенная из мрамора кожа. Такая гладкая, что кажется неестественной.

А что за привычка ходить в парадном мундире, сшитом из самой лучшей ткани, достойной самого императора? Он даже сейчас, на тренировке, одет так, будто вышел на прогулку с женщиной – прекрасно сшитые, подогнанные по фигуре штаны, облегающие стройные, длинные ноги, белоснежная шелковая рубаха с новомодными серебряными узорами по краю отложного воротника. А еще – безукоризненно чистые, блестящие серебристые волосы, сложенные на затылке в воинский хвост. Одна только застежка, сделанная из серебра и украшенная красным камешком стоит не менее двадцати пяти статеров! Откуда у нищего ворка такие деньги?!

Рогс слышал, что ворк ходит в трактир «Якорь», где играет и поет для посетителей, и пользуется очень большим успехом. Шпионы из числа курсантов

и персонала Академии доносили ему, что Син зарабатывает своей игрой на лютне и пением просто-таки огромные деньги, но Рогс в это не верил. Ну сколько может заработать какой-то там музыкантишка? Статер за вечер? Два? Ну пусть три! Но это ведь не такие уж огромные деньги, как ему доносят эти нищеброды, для который три статера уже огромная сумма – как-никак месячное жалованье. Кто финансирует Сина?

А еще ему доложили, что как минимум половина девушек Академии в своих влажных мечтах представляет себя в постели с ворком. Мало того, что ворки уже практически легендарно считают непревзойденными любовниками, отличающимися животным темпераментом и огромным… хмм… любовным хозяйством, так ко всему прочему этот ворк обладает такой внешностью, что будь он обычным имперцем – возле его дверей выстраивалась бы очередь из озабоченных девок, желающих удовлетворить свою похоть!

Рогс всегда был очень невысокого мнения о нравственности курсантского состава. На его памяти в Академии гремели такие скандалы, связанные с излишней сексуальной активностью обучающегося молодняка, что приходилось брать подписку от всех, кто мог вынести сор из избы. В опасении прослыть эдаким гнездом разврата, в котором нет никаких сдерживающих моральных законов и понятий о чести. Академии магии такая известность ни к чему.

Справедливости ради Рогс и сам в своей юности, будучи курсантом Академии не раз участвовал в подобных сексуальных утехах, в которых с обеих сторон присутствовало не менее чем по десятку возбужденных молодых половозрелых особей. Но надо же соблюдать правила приличия! Нельзя делать это открыто, нельзя подставлять своих преподавателей! Все понятно – дело молодое, кровь кипит, скоро на войну – хочется испытать все доступные удовольствия (вдруг убьют, а ты и не попробовал!) – благо что семьи рядом нет, и никто не может поставить тебя в угол. Но в конце концов, ты же соображай, что делаешь!

Конечно же, эти секс-скандалы спускали на тормозах. Все делали вид, что ничего не случилось – пошалили ведь дети, ну что такого? Но если ЭТО начнется с участием ворка…

Рогс даже и представить боялся, что тогда будет. Родители этих осатаневших от похоти девок просто поднимут его на копья, и плакала обеспеченная, сытная жизнь на должности начальника службы безопасности. Здравствуй, потертое седло, дождь, ветер, дурная еда и воркские стрелы.

Справедливости ради нужно признать, что Син не увлекается подобными забавами. Наоборот, как сказали Рогсу, он допускает к себе только двух девушек из числа курсантов – Хельгу, дочь ректора (вот же небось бесится отец!), и Фелну, курсантку, которую Син, опять же по слухам, вылечил от болезни, из-за которой девушка получила прозвище «Красномордая». Прыщи так густо покрывали ее тело, что она стеснялась обнажиться даже в раздевалке для девушек. Теперь же, как донесли завербованные курсантки, она постоянно норовит будто невзначай раздеться догола, сняв с себя все, до последней нитки, и каждая курсантка может убедиться в том, насколько совершенно ее внезапно выздоровевшее тело.

И опять же, доносят – Син не спит с этими двумя девицами. У него для этой цели есть служанка – небольшого роста невероятно красивая девушка, которую некогда в Академию устроил один из стражников, пользуясь своим знакомством с Рогсом. Рогс вначале не хотел допускать девушку в персонал Академии – ее лицо до половины закрывала уродливая красная опухоль, на которую нельзя было смотреть без содрогания, но потом все-таки допустил девчонку к работе, справедливо рассудив, что для грязной работы тоже нужна прислуга, и не всем же быть красавицами. Так почему бы и не такая, с красной физиономией? А она вдруг взяла и поступила в услужение к Сину, и опять же по слухам – это он умудрился ее вылечить!

Рогс до последнего не верил, что Син обладает такой лекарской силой, пока не убедился в этом сам: на одной из тренировок сломавшийся от сильного удара меч раскололся на две половинки, и одна из них отлетела на несколько метров, острым своим краем вонзившись в шею молоденькой курсантке пятнадцати лет от роду, приехавшей в Академию с юга, из города Хергаль (между прочим – дочь Главы крупного, значимого Клана). Миленькая такая, улыбчивая девчушка – кстати, одна из немногих, кто не фырчал вслед Сину и не подсмеивался над его «слишком красивым, будто женским» лицом. Острая щепка пробила ей горло и перебила артерию. Кровь хлестала так, что стало ясно – минута, две, и девушка умрет. От этого никто и никогда не застрахован – жизнь, есть жизнь, и офицерское училище ее отражение.

Послали за лекарем – как на грех рядом не оказалось никого из лекарей высшего курса, и тем более – никого из преподавателей. Все кто был на месте происшествия – будущие боевые маги, которые если и могут работать с живой плотью – только лишь ее уничтожая. Большинство из них даже ауру не видят, так что о каком лечении может идти речь?

В общем – пока квохтали, пока послали за лекарем… Син подошел, раздвинул толпу, наблюдавшую за угасанием девчонки, дергавшейся в последних судорогах уходящей жизни, спокойно выдернул у нее из шеи острую палку, и… лечение заняло минуты две, не больше. Остановлена кровь, затянулась рана, и только багровый шрам остался к тому времени, когда прибежал запыхавшийся лекарь.

Этот самый лекарь тут же заявил, что большего сделать не может, и что девушке придется всю свою жизнь любоваться в зеркале на этот шрам – или платить несколько десятков золотых за лечение у архилекаря. И тогда Син молча протянул руку и на глазах у оторопевшего представителя лекарского сословия убрал этот шрам так, будто его никогда не существовало в природе. А потом сделал то, о чем все вспоминают до сих пор: он улыбнулся и сказал, что ему было очень приятно помочь такой красивой девочке. И больше ничего не сказал, но…

Вся Академия неделю, не меньше обсуждала – есть ли что-нибудь между этой совсем уж юной курсанткой и Сином, ведь ворки отличаются извращенным нравом, для них нет ничего святого! Они набрасываются на всех, кто хоть немного похож на женщину!

И кстати сказать – это происшествие не только не вызвало отвращения у женской половины Академии (как он мог, с такой юной?!), но ровно наоборот – одна курсантка, которую Рогс опросил в связи с обстановкой в учебном заведении, призналась ему, краснея и бледнея, что если бы Син позвал ее в комнату и приказал лечь с ним в постель – она бы сделала это не раздумывая. Она когда видит его – просто теряет силы и способность стройно выражать свои мысли. И так – многие, если не большинство из девушек Академии.

Рогс думал над этим – может, колдовство? Может этот Син применяет какое-то колдовское средство для того, чтобы завлечь несчастных дурех, подслушивающих у его двери, когда к нему приходит служанка? (Да, да – и такое есть! Бесстыдство! Полное бесстыдство!) Но потом пришел к выводу – нет, тут не колдовство. Всего лишь интерес к личности этого парня, плюс его невозможная, феноменальная красота.

Хотя… кто знает? Все маги разные по своим способностям, может появился и такой… притягательный для женщин. Все может быть.

Рогс как-то думал на эту тему, и в глубине души у него мелькала какая-то мысль, что-то такое он читал о неких магах… но эта мысль растворилась, не выросла из семени, так и не дав должного ростка.

И вот сейчас: неизвестно, что такое произошло с этим Сином, но с определенного момента он вдруг начал показывать не то что хорошие, не то что даже замечательные успехи в мечном бою, но его умение откровенно поражало! Ни один из курсантов – а Рогс ставил с ним в пару многих – не смог не то что «ранить», или «убить» этого надменного парня, но даже коснуться деревом тренировочного меча его рубашки. И это притом, что до сих пор Син показывал великолепные результаты только в рукопашном бою, и в бою с кинжалом. Копье – чуть похуже, а меч… меч на уровне средненького наемника. Но теперь! Отточенная красота движений, мягкие, вроде бы не быстрые, но на самом деле молниеносные выпады и парирования ударов. Он не сражался с противником, он с ним забавлялся. И делал это так откровенно, так скучающе, что любому, что это видел, хотелось дать ему по шее. Люди не любят зазнаек, в группу которых записывают любого, кто делает что-то лучше, красивее, и при этом не извиняется за свои способности, униженно не склоняется: «Простите! Так получилось! Это случайно!». Талантов никто не любит. Уважают – возможно. Ненавидят – да. Завидуют – конечно. Но любить…

Тем более – как этим парням любить того, по кому сохнут их подруги, их потенциальные подруги, подруги подруг и все, кто видит этого беловолосого монстра с сияющими синими глазами!

Смешно – на людях эти девки отзываются о Сине пренебрежительно, подсмеиваются над его «женским личиком», над утонченным сложением и слишком уж аристократическими манерами, которые не достойны «дикого ворка», а наедине с собой сохнут по его объятиям и поцелуям. Какая-то ненормальность, точно.

И да – полная противоположность – парни. Каждый хочет доказать, что он сильнее, быстрее, умнее Сина! Каждый мечтает его побить! Дошло до того, что курсанты изнуряют себя на тренировках, забросили развлечения, забросили любовные приключения – торчат на тренировочной площадке и доводят, доводят свои умиения до совершенства, чтобы… в очередной раз быть повергнутым в прах лощеным, на вид изнеженным и сонным ворком!

С одной стороны это хорошо – чем больше курсанты занимаются, тем лучше – а для чего еще они сюда прибыли, если не для того, чтобы совершенствовать свои боевые умения? С с другой стороны… это унизительно. Этот ворк – живой укор, живое доказательство того, что раса ворков умнее, сильнее, быстрее любого имперца!

Здесь собран весь цвет дворянства, потомственные офицеры и маги, элита имперского общества! И что? Какой-то там ворк буквально размазывает их по мостовой, как плевки, как кусок лошадиного дерьма! Правильно ли это?

Рогс с некоторых пор стал подозревать, что ворк этот – совсем не простой ворк. Что прислали его сюда именно для того, чтобы показать курсантам и преподавателям Академии насколько низок уровень их подготовки. Ворк сильнее любого из самых умелых курсантов! Скандал! Унижение! И повод для того, чтобы принять меры. Например – найти более умелых преподавателей на место этих бездельников, неспособных организовать учебный процесс. Засланец, точно! Шпион от Императора!

– Хорошо, Истар. Еще одна попытка. Курсант Син, прошу вас в следующий раз как следует обозначить удар, чтобы ваш противник не сомневался в своем проигрыше – если таковой у него будет. Но без увечий!

– Хорошо, господин преподаватель – Син учтиво поклонился, и курсанты, наблюдавшие за поединком, тут же начали перешептываться – Можете не опасаться. Если курсант Истар получит увечье, я смогу его быстро залечить.

Рогс кивнул, а Истар – самолюбивый наследник одного из правящих Кланов злобно ощерился. Он был первым после выбывшего из учебного процесса младшего Элрона по боевым умениям, а за эти недели поднял свой уровень практически до совершенства. И все только ради того, чтобы наказать выскочку ворка.

Нет, все-таки от ворка точно есть польза! Не зря его сюда заслали! Рогс хоть и опасался выводов по результатам этого… хмм… эксперимента, но будучи умным и деловым человеком прекрасно осознавал полезность данного деяния.

– Сошлись! – негромко скомандовал Рогс – Бой!

Син никуда не пошел сходиться. Остался стоять на месте, опираясь на меч, упертый кончиком в землю так, будто это было не боевое оружие, а прогулочная трость, входившая в моду у самых продвинутых в этом деле аристократов. Нет, продвинутых не в боевых искусствах, а в искусстве украшать свой облик всевозможными модными штучками. Кружевами, драгоценностями, или вот – прогулочной тростью.

Рогс смотрел на происходящее с точки зрения мастера боевых искусств, каким он на самом деле и являлся. Должность начальника службы безопасности приносила ему дополнительный доход, но основным было все-таки это – уроки, которые он много лет давал молодым курсантам. И вот глядя на ворка, мастер прекрасно видел, чем это все закончится. Только профан мог не увидеть, насколько уровень Сина выше уровня всех этих мальчишек. Рогс даже подозревал, что если бы ему пришлось вступить в схватку с Сином, результат может сильно разочаровать преподавателя. Этот парень был настоящим самородком, каких рождается один на десятки тысяч.

Вот он сейчас стоит в этой позе, якобы выражающей презрение к противнику. Да, он явно нарочно делает так, чтобы противник разозлился и совершил ошибку – небрежный, но все-таки поклон противнику, который можно счесть издевательским, пародийным, этот меч, упертый в землю, это поза, при которой Син вроде как полностью открыт для ударов и тем самым говорит о своем отношении к жалкому противнику. Но мастер знает – это самая что ни на есть настоящая боевая стойка. Она называется: «Дурак». Да, да, «дурак»! Потому что только дурак поверит, что в этой стойке боец беззащитен и ничего не может сделать! А ведь из нее можно мгновенно ударить снизу вверх, или по ногам, или в живот, и удары снизу блокировать труднее, чем верхние. Не зря удары по ногам и в пах фехтовальщики иногда называют – «подлые» удары. А дуэлянты презирают победы, полученные в результате применения таких «подлых» ударов. Вот заколоть в сердце – это да. Или рассечь голову. Плечо. Руку. Но ударить в пах?! Такой удар только для диких, невоспитанных ворков!

И он ударил. Два раза. Не меняя меняя своей скучающей, надменной мины на совершенном до безобразия лице.

Истар бьет сверху, норовя расколоть череп ненавидимому им ворку, Син делает движение корпусом вполоборота, и мгновенно, едва улавливаемо глазом – секущий удар в пах, который в реальности должен был рассечь гениталии бойца и все, что за ними, и тут же, загнувшемуся от невыносимой боли Истару –

сильно, с оттяжкой удар наискось, через спину.

Рогс даже увидел, как над спиной Истара поднялось облачко пыли, выбитое деревянной палкой из защитного жилета парня. Кстати сказать, этот наглый ворк никогда не применял толстые стеганые жилеты, защищающие курсантов от ударов довольно-таки увесистой палки, используемой в качестве меча. Когда Рогс однажды предложил Сину воспользоваться таким жилетом, тот довольно-таки громко сказал, что не позволит никому коснуться его тела, потому жилет ему вообще не нужен. А еще – в этом жилете на жаре человек потеет так, что потом от него на сто шагов несет душны?м козлом. А он не хочет уподобляться всяким козлам.

Само собой, это не добавило ему любви мужского курсантского состава, а еще – количество курсантов, надевающих на тренировке такой жилет уменьшилось ровно в два раза. Слова этого ворка тут же стали известны всей Академии.

Истар лежал на земле, пытаясь вздохнуть и корчась от боли, в Син стоял и смотрел на него с веселой усмешкой – мол, и что это с тобой? Ты чего там разлегся?

Вообще-то Рогс был даже доволен тому, что Истар получил этот урок – раз тебе преподаватель сказал, что ты проиграл – зачем ему противоречить? Вот его и поставили на место, то самое место, на котором он и должен находиться – в пыль, в грязь! Курсант, который ставит под сомнение действия своего преподавателя большего и не заслуживает. И неважно, что ты сын очень высокопоставленных родителей. Правила для всех одинаковы!

– Ты обещал его вылечить? – холодно сказал Рогс, глядя на ухмыляющегося ворка. Но тот только пожал плечами:

– У него нет серьезных повреждений. Только ушиб гениталий и синяк на спине. Обойдется без любовных упражнений недели две, и все пройдет. Не смертельно. Нет, я конечно же могу полечить, но для этого мне нужно видеть повреждения. И я не думаю, что курсант Истар станет потрясать тут своим больным органом. Он на днях, я слышал, обещал что-то мне такое показать… где-то там меня повертеть… но не думаю, что у него там имеется что-то, на чем можно хоть кого-нибудь повертеть. А уж тем более сейчас.

Рог поджал губы и выругался – про себя, не вслух. Ну вот зачем он вызывает на себя огонь? Или это тоже специальная тактика? Зачем наживать себе еще одного врага?

Впрочем – ворку его и наживать не надо. Что Элрон, что Истар (который, кстати, был давним приятелем Гренделя) отличались какой-то шипучей, патологической ненавистью к представителям племени ворков. И готовы были уничтожить весь этот лесной народ до самого последнего человека. Так что после нынешнего боя в отношениях между этими двумя курсантами совершенно ничего не изменится.

Истар отошел от травмы минут через десять – Рогс на это время прервал занятия и вызвал дежурного лекаря. Тот снял боль и устранил последствия ушиба, так что парню не придется две недели шарахаться от женщин. Все это время Син сидел рядом с Фелной, которая улыбалась ему такой улыбкой, какой улыбаются только влюбленные девушки своим парням, и рядом Хельгой, которая появилась как из воздуха, и тоже смотрела на ворка так, что становилось ясно – тут не обошлось без сердечных отношений.

Кстати сказать, Хельга очень умело обращалась с мечом, и нередко присоединялась к занятиям курсантов, хотя и не числилась в составе учащихся. Ректор был мастером единоборств, по уровню умения превосходившим любого из тех, кого знал Рогс, включая и его самого. Опыт, врожденные способности помноженные на многолетние тренировки – волей-неволей ты станешь мастером. И у мастера не может быть детей, неспособных к занятиям единоборствами. Аристократ – мужчина он, или женщина – должен быть способен разогнать целую толпу необученных простолюдинов. Иначе всему сословию аристократии в конце концов придет конец. Такое мнение существовало в среде имперской элиты, и Рогс был с этим совершенно согласен. Хочешь быть элитой – будь ей! Любой аристократ должен, обязан владеть единоборствами!

О! Рогс оглянулся, услышав голос ректора, и удивленно поднял брови – чтобы сам ректор вдруг посетил занятия курсантов? Интересно, что это такое должно было случиться? Хотя… Зоран никогда не упускал возможности поинтересоваться делами курсантов на поприще боевых искусств. Когда-то он и сам преподавал эту дисциплину. Рогс как раз и сменил его на посту преподавателя.

– Господа курсанты! – Рогс вытянулся и отсалютовал ректору. Курсанты повторили за ним и замерли, поедая глазами главного человека Академии.

Ректор подчеркнуто четко отсалютовал, осмотрел всех быстрым, но внимательным взглядом, задержавшись на Истаре и хлопотавшем возле него лекаре, и повелительно протянул руку:

– Меч!

Ближайшие двое курсантов рванулись к стеллажу с тренировочными мечами, накрытому двускатной крышей, и через несколько минут ректор уже держал в руке один из мечей – тот, что подлиннее. Зоран был довольно-таки высок, и выбрал меч по росту.

– Курсант Син – взять меч! В круг! – приказал ректор, и ворк, повинуясь его приказу шагнул к центру тренировочной площадки. Рогс чуть не ахнул – САМ?! Рогс еще ни разу не видел, чтобы ректор вот так пришел и устроил бой с кем-то из курсантов! Зачем?! Почему?!

Ректор напал как змея – мгновенно, хищно, стремясь покончить с жертвой одним укусом, одним ударом. Син так же мгновенно отразил удар, отведя клинок в сторону и сделал выпад, едва не воткнув кончик меча в грудь мужчины. Все вокруг загудели, заохали – Рогс оглянулся и к своему удивлению увидел, что вокруг тренировочной площадки собрались практически все, кто был в этот момент не занят в классах, то есть – практически все, кто находился на тренировочной площадке. Ну, ясное дело – такой бой, кто его может пропустить?! Сам ректор – с каким-то там курсантом! Неслыханно!

Удар следовали один за другим. Противники передвигались экономно, делая четкие, плавные движения. Мечи мелькали в воздухе, размываясь в пространстве так, что глаз не успевал за ними следить. Но эти двое ни разу еще не коснулись друг друга.

Мечный бой скоротечен. Это только дураки считают, что поединок может длиться до тех пор, пока противники не упадут от усталости. Секунда, две, три… десять! И вот один уже лежит, другой – празднует победу. Если только на отходе не получил ответный удар, выпустивший из него кишки. Так и здесь – на десятой секунде меч Сина легко коснулся щеки ректора, проведя по ней

красную полосу, тут же набрякшую кровью, и на этом собственно бой и был завершен.

– Поздравляю, курсант Син – медленно сказал ректор, глядя в глаза ворку – вы можете не посещать занятия по боевым искусствам, если этого не хотите. Спасибо за красивый бой.

Ректор поклонился Сину, тот отстал от ректора на долю секунду, и получилось так, что они поклонились друг другу одновременно. А Рогс смотрел на все это с открытым ртом, потрясенный до глубины души. Впрочем – и не он один. Такого здесь не ожидал никто.

Кто же ты такой, Петр Син! – подумал Рогс, глядя в безмятежное, как и прежде, спокойное лицо ворка – Зачем ты здесь? Ты, который умением превосходит самого ректора – что ты забыл здесь, в Академии? Ох, грядут неприятности, грядут! Рогс чувствовал это всей своей многоопытной душой. И еще более многоопытной задницей армейского офицера.

Глава 6

Эстель вытер стол, забрызганный засохшей темной кровью, убедился, что хорошенько отчистил столешницу и только тогда положил на нее бумагу. Бумага стоила денег, и за лишний ее расход можно было лишиться части жалованья. Начальник управления стражи был человеком хорошим, справедливым, но не терпел неряшливости и бесцельных имущественных и денежных трат. Он происходил из семьи плантатора, поднявшегося наверх за счет трудолюбия и бережливости, если не сказать скупости, таким воспитал и сына, прихотью судьбы возглавившего городскую стражу. Так что теперь сын плантатора воспитывал подчиненных – почти что так же, как его воспитывал отец. Только без регулярной порки.

– Григол, давай сюда соседку! – крикнул Эстель, и приготовился к долгой, нудной процедуре – опросу свидетелей.

Соседка, пухлая женщина лет пятидесяти, комкала в руках платок, испуганно оглядывалась по сторонам и осторожно переступала загустевшие, засохшие лужи крови.

– Это ты нашла трупы? – грозно спросил Эстель, с прищуром вглядываясь в темные глаза женщины.

– Я, господин!

– Ну, рассказывай, рассказывай – кивнул следователь – Как нашла, что видела. Видела ли кого-то выходящего из дома. Ну!

– Ну… это… я смотрю… калитка в дом Аны открыта! Думаю – и чего так? У нас тут не принято калитки оставлять открытыми. Мало ли… кто ходит. Место у нас тут такое… всякое бывает. Ну вот… заглядываю, а там… и в дом открыто. Я туда! Кричу! Эй, хозяева! – кричу. Никого! А должны быть! Я вот прям недавно видела, там и братья были… и дочка ихняя… и сама мамаша. Они ведь как – раньше по соседству жили. А тут Ана-то работать устроилась, и совсем ушла из дома. И говорят – оставила дом своей родне. Дом-то у нее большой, хороший! Не то что у них!

– Кто сказал? Кому оставила? – нахмурился следователь.

– Да вот им… и оставила – свидетельница кивнула на укрытых простынями и тряпками мертвецов, чьи фигуры едва угадывались под покровом – Мамаша-то их и сказала! Только я чо-то не поверила… похоже выгнали они девчонку. Плохая это была семейка, не к ночи будет сказано. Обижали всех, дрались. Парни-то вон какие могутные. Поговаривали, что они вроде как ночью промышляли. Людей на улице грабили. Но может просто вранье. Я как увидела мертвецов-то, так сразу и побежала к мужу, его привела. А потом мальчишку за стражей отправили. Вот и все.

– Вот и все – задумчиво протянул следователь, размышляя о том, что тут совершенно ничего не светит. Такое преступление раскрыть невозможно, да и кому это надо? Прибытка от этого не получишь, одни проблемы. Соседи ничего не видели, а если и видели – все равно ничего не скажут. Такой тут народ. Не любят они стражу.

– Сама как думаешь, что здесь случилось? – вздохнул следователь, мечтающий сейчас только об одном – о кружке холодного пива, и чтобы не нюхать запах крови и дерьма. Почему многие покойники перед смертью обгаживаются? Вот почему Создатель так это положил – обгаживаться? Это чтобы испортить жизнь бедному следователю, точно. Сиди вот, и нюхай это дерьмо!

– Муж говорит, это они сами себя порешили – с готовностью отвечает женщина – Баба была совсем дурная, и на передок слабая. Они и мужа своего в могилу свела, отравила. И дочке жизни не давала. Да и парни дурные – сила немеряная, а мозгов нет. Думаем мы, так дело было: парни мамашку связали, а потом башку-то ей и разбили. А девка взяла топор, и когда они домой пошли с улицы, так она им ноги-то и подрубила. А потом и бошки отрубила. А как поняла, что наделала – у нее сердечко-то и лопнуло. Она постоянно с братьями ругалась. Поговаривали (женщина понизила голос) они вроде как ее сильничали! Ну вы поняли, господин… жили с ней, как с женой! Нет, я не поклянусь за то, но говорили. А какая баба с ними свяжется? И вроде как и с мамкой жили! Они же ненормальные, а сила вон какая! Их все боялись!

– Фу! Отвратительно! – демонстративно поморщился следователь, которому все яснее вырисовывались обстоятельства дела. И он был этим очень доволен.

– Да! Семейка еще та! – женщина зажмурила глаза и скорчила многозначительную рожицу – Иногда такие крики от них неслись… будто насилуют кого! Скорее всего, они сильничали мамашу, потом хотели дочку. А она как-то изловчилась и зарубила этих вонючек!

– Почему вонючек? – лениво спросил следователь, выписывая первую букву на чистом листе.

– От них всегда воняло! – победно ухмыльнулась женщина – как из выгребной ямы! То-то им девки не хотели давать. И они ведь не только мать с дочкой здесь в поселке сильничали. Тут еще есть девки, которых они зажимали.

– А почему не жаловались? – прекратил писать Эстель.

– Жаловаться? – женщина недоверчиво помотала головой – Чтобы они потом бошку оторвали и в канаву кинули? Терпели все! Знаете, господин… вся улица только вздохнула, когда этой семейки не стало. Только дочку жалко, да и то…

она еще та оторва была. Что хочет – скажет, советов не слушает, оскорбляет, ругается. В мамашу пошла. В общем – что Создатель не делает, все к лучшему. Вот такое наше мнение.

– Все, иди! – кивнул следователь, и тут же остановил женщину – Стой! Там стражник, помощник мой, на улице, скажите ему свои имена, я запишу вас свидетелями. Если понадобитесь – вызову. А вот еще что… родня у них есть? Кто хоронить покойников будет?

– Если только Ана… но она в Академии работает, в прислуге – задумалась женщина, и тут же добавила – да кому они нужны? Пните их ногой, пусть в канаву летят, там им всем и место. Еще на Аночку вешать такое бремя. У нее и денег-то нет на похороны. И кроме нее некому хоронить.

Эстель вздохнул – еще и вывозом трупов заниматься. А потом нужно закрыть дом, чтобы не разграбили, известить хозяйку дома… Допросить ее? А что толку, если ее здесь не было?

И следователь приступил к сочинению докладной. Ему все было ясно. Извращенцы! От них чего угодно можно ожидать. Если бы все дела так легко раскрывались!

* * *

– Все! Допросили! – Женщина захлопнула за собой дверь и выглянула в окно – Глаза такие у следователя… просто насквозь видит! Я чуть не описалась со страха!

– Все так, как я сказал, сделала? – мужчина вопросительно посмотрел на жену.

– Да… все хорошо вышло. Мы ничего не видели, ничего не знаем. Слава Создателю, избавились от этих придурков! Надо будет проследить, чтобы дом закрыли как следует. И Ане сообщить. Она хорошая девочка. И мать ее была хорошей девочкой. Хорошо, что она с этим ворком уложила придурков.

– Мы об этом уже говорили – кивнул мужчина – Я вообще не понимаю, как этот худенький юноша смог завалить таких огромных мордоворотов! Я смотрел, и

глазам не верил! Попадись такому на дороге… береги кости!

– Все хорошо! – вздохнула женщина – Аночке-то как повезло. Я уж думала – сживут они ее со свету.

– Мне давно самому хотелось им бошки поотрубать – зло сплюнул мужчина – Только старый уже, не осилил бы!

– Ты бы и молодой не осилил – вздохнула женщина – И никто бы не осилил. Хорошо, что все так вышло… и откуда такой ворк взялся?! Спасибо ему! От всех людей спасибо!

* * *

Неделя прошла в невероятной суете. После нашей с Аной карательной экспедиции я вдруг подумал: а какого черта я скромничаю, изображаю из себя тихого, незаметного курсанта, выбираю выражения, чего-то опасаюсь? Да что мне бояться, я уже раз умирал! Только что едва не умер, чудом не забитый тремя монстрами в человеческом обличьи, и какого хрена я позволяю себя третировать каким-то жалким мажорам, которые слабее меня, глупее меня, умеют меньше меня! Да я покажу им, что такое настоящий аристократ!

Меня зачем сюда прислали? Как раздражитель. Фактически кинули в гнездо змей, абсолютно не заботясь – выживу я, или нет. Ну так и буду раздражать! Всем своим видом! Всем своим поведением!

Достаточно насмотрелся и начитался фильмов и книг о земных аристократах, так почему бы не принять вид гордого аристократа? Например – какого-нибудь загадочного самурая древнего рода, насквозь пронизанного спесью и увешанного цитатами из кодекса «Бусидо».

А еще – эльф. Я буду темным эльфом! Аристократичным, заносчивым, опасным, как змея! Ох, и устрою я им спектакль!

Сказано – сделано. Иду в город, нахожу две лучшие обувные мастерские. Делаю заказ. Затем в мастерскую, занимающуюся пошивом верхней одежды – костюмов, рубашек, всего такого. Следом – к ювелиру. Хорошему ювелиру!

Умелому, понимающему с полуслова, быстро работающему!

Обошлось мне это очень недешево. Пришлось выгрести почти все деньги, что хранил дома, плюс залезть в банковскую кубышку. Но ничего… заработаю! Благодаря моим стараниям трактир «Якорь» превратился в эдакий музыкальный салон, и каждый вечер был забит клиентами практически до предела. И люди собирались нежадные, и само собой обеспеченные.

За мной туда подтянулись еще двое музыкантов, играющих на лютнях, а с ними – две танцовщицы, выступающие с номерами, чем-то напоминающими земной стриптиз – они синхронно двигались под музыку, и в конце концов на них оставались только узенькие набедренные повязки, почти не прикрывающие интимные места. Само собой – публике это все очень нравилось. Особенно когда девушки садились на шпагат, или задирали ноги к голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/bandit-4-nekromant

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить